

Станислав Рэй

Город, который списали

<https://litres.ru/74603643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фельдшер Илья Корин приходит в себя в теле Тевана — лекаря, приговорённого к смерти за гибель запертых пациентов. В ярусном городе Керне снова вспыхнула Красная горячка, и полководец Раден готов затопить нижние кварталы вместе с жителями, называя это единственным способом остановить заразу.

Илья видит в болезни признаки отравления. Вместе со смотрительницей водосбросов Иртой, чей брат погиб по приказу Тевана, он проверяет воду, вскрывает старые армейские склады и восстанавливает имена людей, которых победители вычеркнули из истории. Но доказать правду мало: до открытия шлюзов остаются часы, а тысячи жителей нужно вывести по улицам города, где каждый ключ держит человек, привыкший подчиняться полководцу.

Древнее каменное сердце может вернуть Илью на Землю — или разделить управление сбросами и спасти Керн.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Казнь у лечебной чаши	5
Глава 2. Тело виновного	31
Глава 3. Нижний Керн	51
Глава 4. Вода пахнет монетой	70
Глава 5. Чаша слышит сердце	89
Глава 6. Сорок восемь часов	101
Глава 7. Дом с заколоченной дверью	124
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Станислав Рэй

Город, который списали

От автора

Эта история начинается с человека, которому досталось чужое тело вместе с чужим приговором. Профессиональные навыки помогают Илье спасать людей, но не дают ему права объявить себя невиновным вместо прежнего лекаря. Ему придётся различать помощь и власть, правду и удобное оправдание, срочное решение и привычку считать чужие жизни допустимой потерей.

Керн — вымышленный город, его болезни, древние лечебные чаши и устройство водосбросов принадлежат миру романа. Медицинские действия героев показаны как часть художественного сюжета и не заменяют обращения за реальной помощью.

Глава 1. Казнь у лечебной чаши

Сначала вернулся звук.

Не голос, не крик и не сирена — мерный удар воды о камень. Между ударами успевала пройти одна долгая секунда. Потом вода падала снова, и от этого низкого шлепка боль в затылке становилась ярче.

Илья попытался открыть глаза. Правое веко поднялось, левое будто приклеили. Над ним плыло белое небо, разрезанное чёрными балками. С одной свисала цепь. По звеньям бежали капли.

Он подумал, что лежит под перевёрнутой машиной.

Последнее, что помнил Илья, — мокрый асфальт, фургон скорой поперёк дороги и серебристый седан, который не успевал остановиться. Напарница Лена кричала водителю автобуса, чтобы тот не трогал раненого. Илья стоял на коленях у раскрытой боковой двери, держал кислородную маску на лице девочки и видел, как по встречной полосе несёт чужие фары.

Удар пришёл сбоку.

Теперь кислорода не было. Не было сирены, запаха бензина, тёплого пластика перчаток. Пахло мокрым известняком, дымом и чем-то кислым, как от давно не мытого медного таза.

Илья вдохнул. Грудь поднялась свободно. Рёбра не ото-

звались. Он провёл языком по зубам — целы. Попробовал пошевелить пальцами и услышал звон.

Запястья были стянуты железом.

— Очнулся, — произнёс кто-то слева.

Илья повернул голову. Мир качнулся, но не погас. Рядом стоял мужчина в длинной серой одежде, поверх которой был надет кожаный передник. На груди висела связка тонких деревянных пластинок. За ним полукругом поднимались каменные скамьи. На них сидели человек тридцать: солдаты в коротких плащах, женщины с закрытыми волосами, двое мальчишек в одинаковых бурых рубахах. Никто не держал телефона. Никто не выглядел как сотрудник больницы.

Под спиной Ильи был наклонный каменный стол. По желобам вдоль его краёв текла вода. Она собиралась у ног и падала в чёрную щель — тот самый мерный звук.

— Где я? — спросил Илья.

Голос оказался чужим. Ниже его собственного, с хрипом на конце.

Мужчина в переднике наклонился.

— Ты знаешь, где находишься, Теван.

— Меня зовут Илья.

На скамьях зашептались. Мужчина не удивился.

— Осуждённый лекарь отказывается от имени перед чашей. Запиши.

У стены писец провёл палочкой по дощечке.

Илья приподнял голову. На нём была грубая рубаха, рас-

пахнутая на груди. Тело не походило на его собственное. Кожа смуглее, плечи уже, под левым соском старый круглый шрам. На предплечьях — мелкие белые порезы и свежая чёрная полоса ожога вокруг запястья. Руки казались сильными, но незнакомыми. Даже ногти были не его: короткие, въевшиеся в края тёмным лекарственным порошком.

Он закрыл глаза и открыл снова.

Камень не исчез.

— Черепно-мозговая, — сказал Илья вслух. — Дезориентация. Возможно, галлюцинация.

Мужчина в переднике посмотрел на писца.

— Что он сказал?

— Не знаю, судья.

Слово Илья понял. И остальные слова понимал — странно, без усилия, будто всегда знал этот язык. Но собственной фразы мужчина не понял не из-за языка. Он не знал терминов.

Илья попытался сесть. Цепь дёрнула руки к камню. Двое стражников шагнули ближе.

— Не двигайся, — сказал судья. — Приговор прочитан. Вода возьмёт твоё дыхание, как ты взял дыхание запертых.

В верхней части зала что-то скрипнуло. Из стены выступала широкая каменная чаша, похожая на половину огромного жернова. По её краю шли вырезанные линии. В центре темнело круглое отверстие. Над ним висел желоб, пока сухой.

Илья посмотрел на воду у своих ног, на цепи и чёрную щель. Понимание пришло без всякой мистики.

Его собирались утопить.

Страх ударил быстро и телесно. Сердце зачастило. Ладони вспотели внутри железных колец. Илья потянул цепь, хотя видел толщину звеньев.

— Подождите. Вы ошиблись человеком.

На скамьях кто-то коротко рассмеялся.

— Это тело Тевана? — спросил судья.

Впереди сидела пожилая женщина в синем платке. Она поднялась, посмотрела на Илью с отвращением и ответила:

— Его.

— Руки лекаря?

— Его.

— Ожог лечебной чаши?

— Его.

— Тогда человек назван верно.

— Я не знаю никакого Тевана.

— Ты знал его достаточно, когда просил суда о пощаде от его имени.

Илья ничего не просил. Он вообще не знал, каким образом оказался на столе. Галлюцинация не объясняла чужого тела, но мозг в шоке мог собрать что угодно. Сон не объяснял холод железа. Посмертие Илья отказался обсуждать даже мысленно.

Нужно было выбраться живым. Для начала — выиграть

время.

— Проверьте голову, — сказал он. — Я был без сознания. Мог удариться. Если вы хотите казнить именно того человека, убедитесь, что он понимает приговор.

Судья усмехнулся.

— Теван всегда умел говорить так, будто заботится о порядке.

Он поднял ладонь. У дальней стены двое работников взяли за колесо. Деревянные зубья медленно пошли вниз. Из верхнего желоба вытекла тонкая струя и ударила в центр каменной чаши.

Линии на её краю засветились.

Не ярко. По серому камню разошлись бледные красные полосы, будто под поверхностью проступили сосуды. Они дрогнули одновременно с сердцем Ильи.

Он замер.

Полосы снова вспыхнули — быстрее.

Один удар. Второй. Третий.

Чаша показывала его пульс.

Илья не успел понять как. Струя усилилась. Вода побежала по желобам стола, обняла лопатки, затекла под рубаху. Пока её было мало, но колесо продолжало вращаться.

— Теван из нижнего лечебного двора, — начал судья. — Ты признан виновным в том, что назвал Красную горячку заразной, запер дом у Медного спуска и оставил внутри двадцать семь человек. Девятнадцать умерли до открытия две-

рей. Ты скрыл записи чаши, отравил колодец и пытался возложить вину на военный склад. За смерть невиновных и смуту город возвращает твоё дыхание воде.

Илья слушал и чувствовал, как холод поднимается к бокам.

Лекарь. Чужая ошибка. Запертый дом. Отравленный колодец.

Слова цеплялись одно за другое, но не складывались в воспоминание. В голове оставалась только его жизнь: ночные дежурства, комната отдыха с облупленным холодильником, Лена, ругавшаяся на диспетчера, мать, которой он обещал приехать в воскресенье. Никакого Медного спуска.

На третьем ряду сидела женщина лет тридцати. Короткие тёмные волосы были собраны на затылке, на серой куртке блестели мокрые пятна. На поясе висел большой железный ключ. Она не смотрела на чашу — только на лицо Ильи.

Когда судья назвал девятнадцать погибших, женщина сжала ключ так, что побелели пальцы.

— Ирта Вейн, — сказал судья. — Вы свидетельствовали о смерти брата. Желаете повторить слова перед исполнением?

Женщина поднялась.

— Нет.

— Осуждённый отказался от имени.

— Я слышала.

— Вы имеете право назвать умершего.

— Мой брат не станет живее оттого, что этот человек

услышит имя перед смертью.

Она снова села.

Колесо скрипело. Вода дошла Илье до рёбер. Стол имел бортики; выход у ног, очевидно, можно было закрыть. Один из работников держал рычаг возле щели и ждал знака.

Илья потянулся к привычному спокойствию, которое приходило на вызовах. Не к отсутствию страха — такого не бывало. К порядку действий.

Безопасность. Сознание. Дыхание. Кровообращение.

Безопасности нет. Сознание ясное. Дыхание пока свободное. Кровообращение учащённое.

Способ выбраться?

Стража, цепи, зал без видимого выхода кроме двери за скамьями. Уговоры не действуют. Симуляция приступа лекаря, которого считают лжецом, не поможет. Но если чаша действительно отвечает на тело, возможно, она покажет что-то, чего они не ожидают.

Илья намеренно задержал дыхание.

Красные линии стали реже. Потом дёрнулись. По внешнему краю чаши проступила синяя дуга.

Судья сбился на слове.

— Что это?

Мужчина в кожаном переднике у колеса пожал плечами.

— Чаша слышит его.

— Она слышала его и на разборе.

Илья выдохнул. Красное свечение участилось, синяя дуга

исчезла.

— Она показывает дыхание, — сказал он. — И пульс.

— Мы знаем, что делает лечебная чаша, — холодно ответил судья.

— Тогда вы знаете, что я говорю правду о состоянии.

— Чаша не показывает ложь.

— Именно. Она показывает тело. Не правду.

По скамьям прошёл ропот. Судья поднял руку, и люди замолчали.

— Открой сток, — приказал он работнику.

Илья на миг решил, что его услышали. Работник потянул рычаг. Каменная заслонка у ног поднялась, вода хлынула в щель и уровень начал падать.

Затем судья сказал:

— Наполнить верхний сосуд.

Работники переставили желоб. Вода теперь текла не на стол, а в подвешенную над головой медную ёмкость. Когда та наполнится, её опрокинут сразу. Илье оставили сухие минуты, чтобы приговор выглядел торжественно.

— Последнее слово осуждённого записано, — произнёс судья. — Чаша показывает тело, не правду. Пусть вода покажет конец тела.

На скамьях встали.

Первым поднялся высокий пристав у края площадки. До этого Илья видел только его спину: тёмный плащ, металлическая застёжка у горла, короткий жезл в правой руке. При-

став сделал шаг к столу, чтобы проверить цепь, и кашлянул.

Кашель был сухим, коротким. Он попытался вдохнуть и снова кашлянул.

Илья посмотрел внимательнее.

Пристав остановился. Левая рука легла на грудь. Плечи поднялись. Он втянул воздух со свистом.

— Сними застёжку, — сказал Илья.

Мужчина махнул жезлом, требуя молчать.

На шее над воротом проступили красные пятна.

— Сними плащ! — крикнул Илья.

Судья повернулся к приставу.

— Борен?

Тот открыл рот, но голоса не было. Жезл выпал. Пристав схватился обеими руками за застёжку и не смог попасть пальцами в крючок. Лицо начало темнеть.

Люди отступили. Кто-то закричал:

— Горячка!

Слово подействовало хуже огня. Скамьи опустели в один миг. Люди толкались к двери, закрывали рты рукавами. Один мальчишка упал, через него переступили. Стражник потянул меч, словно болезнь можно было остановить железом.

Пристав Борен опустился на колени.

Илья видел отёк губ, пятна на шее, судорожные попытки вдохнуть. Анафилаксия — тяжёлая аллергическая реакция — или резкое отравление раздражающим веществом. Что

именно, без лекарств и анамнеза не определить. Но ждать нельзя.

— Освободите мне руки!

Никто не двинулся.

— Он задыхается. Через несколько минут умрёт.

Судья прижал рукав к лицу.

— Не подходить к нему. Закрыть зал.

Те же слова. Закрыть людей с больным. Илья вдруг понял, как Теван мог однажды отдать такой приказ: страх, неизвестная болезнь, желание отделить угрозу. Понимание не делало решение правильным.

Борен упал на бок. Его дыхание стало почти беззвучным.

— Посмотрите на остальных! — крикнул Илья. — Никто рядом не кашляет. Пятна появились сразу. Это не похоже на то, что передаётся от человека за один вдох. Снимите с него всё новое — еду, мазь, травы. И откройте цепь!

— Ты отравил чашу, — сказал судья.

— Я прикован к камню.

— До казни ты лечил тюремщиков.

— Тогда общите меня после. Сейчас он умрёт.

Ирта уже стояла возле пристава. В отличие от остальных, лицо она не закрывала. Она перевернула Борена на спину.

— Что делать?

— Застёжку и ворот убрать. Голову чуть назад. Посмотри, нет ли во рту еды.

Судья шагнул к ней.

— Ирта, отойди.

— Если это горячка, я уже рядом.

Она дёрнула металлический крючок на плаще. Тот не поддался. Тогда Ирта вытащила с пояса маленький нож и перерезала кожаную петлю. Плащ раскрылся. Под ним на груди Борена висел мешочек из красной ткани, мокрый от пота.

Илья заметил вокруг мешочка яркую сыпь.

— Убери его. Только не голой рукой.

Ирта обернула ладонь краем плаща, сорвала шнурок и отбросила мешочек. По камню рассыпались мелкие серые листья.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю. Он носил раньше?

Судья ответил вместо неё:

— Сегодня всем приставам выдали дымную траву против горячки.

— Всем?

Трое стражников у стены одновременно посмотрели на свои плащи. Один сорвал мешочек и бросил на пол.

— У остальных есть пятна? — спросил Илья.

Нет. Но это ничего не доказывало: тяжёлая реакция могла возникнуть у одного.

Борен дёрнулся. Воздух проходил всё хуже. Илья знал, что требовался адреналин, кислород, доступ к дыхательным путям. Здесь не было ни ампулы, ни иглы, ни баллона. Можно было лишь убрать причину, облегчить дыхание и надеяться,

что отёк не закроет горло полностью.

— Есть лекарство от укусов, после которых распухает лицо? — спросил он.

Ирта посмотрела на мужчину в переднике.

Тот растерянно ответил:

— Корень сивы. В тюремной сумке Тевана.

— Что он делает?

— Снимает огненную опухоль. Иногда.

— Несите.

— Приговорённому не положена сумка, — сказал судья.

Ирта повернула к нему голову.

— Борену положена жизнь?

Судья сжал губы.

— Принести.

Один из стражников выбежал. Илья снова рванул цепь.

— Я должен осмотреть его ближе.

— Ты уже велел снять мешочек.

— Этого может быть мало. Он перестанет дышать — нужно будет помогать воздухом.

— Ртом? — с отвращением спросил мужчина в переднике.

— Через ткань или трубку, если есть. Но сначала освободите меня.

Судья смотрел на Илью, затем на Борена. Решение шло медленно. Слишком медленно.

Ирта поднялась, подошла к столу и протянула руку к зам-

ку.

Стражник перегородил ей путь копьём.

— У тебя нет права.

— А у тебя есть ключ?

— Есть.

— Тогда выбирай сам.

Борен издал слабый свист. Стражник выругался, сунул копьё соседу и достал ключ. Руки у него дрожали, зубцы дважды ударили мимо отверстия. Наконец левое кольцо открылось. Потом правое.

Илья скатился со стола и едва не упал. Ноги принадлежали тому же чужому телу и не слушались после долгой неподвижности. Ирта подхватила его за локоть.

— Если это уловка, — сказала она, — до воды ты не добежишь.

— Если это уловка, я выбрал плохое время.

Он опустился возле Борена. Сознания нет. Дыхание редкое, затруднённое. Пульс на шее быстрый и слабый. Илья запрокинул голову пристава, приподнял подбородок. Язык не перекрывал дыхание. Во рту не было пищи. Горло отекало.

— Нужна трубка толщиной с палец. Гладкая. И мешок или меха, которые можно сжать.

— У чаши есть дыхательный рожок, — сказал работник.

Он снял со стены бронзовую изогнутую трубку. Илья осмотрел край. Грубый, но не острый. Рожок, видимо, использовали, чтобы слушать дыхание, прикладывая широ-

кий конец к груди. Вводить его в горло вслепую было опасно. Илья не имел права делать хирургическое отверстие без инструмента и условий. Оставалось поддерживать проходимость и ждать средство.

— Ткань, — потребовал он.

Ирта отрезала чистый внутренний край плаща. Илья обернул широкий конец рожка, приложил его ко рту Борена и осторожно выдохнул. Грудь поднялась плохо. Он изменил положение головы, снова вдохнул воздух в трубку. На этот раз грудная клетка расширилась заметнее.

— Зажми ему нос, — сказал он Ирте.

Она подчинилась без спора.

Илья сделал ещё один выдох. Потом дал воздуху выйти. Ещё.

Он считал вслух, чтобы не ускоряться. Между вдохами проверял пульс. Сердце Борена пока билось.

Красные линии на каменной чаше вспыхивали вместе с каждым ударом — теперь не Ильиным. Вода, разлитая по полу, коснулась рукава пристава и соединила его с желобом. Чаша поймала новый ритм.

Люди у двери увидели это и перестали толкаться.

На чаше красная полоса шла часто, почти без промежутков. Синяя появлялась только после выдоха Ильи и быстро гасла.

— Дыши, Борен, — сказала Ирта.

Илья не стал говорить, что приказ бесполезен. Иногда че-

ловеку рядом нужно было сказать хоть что-то.

Вернулся стражник с кожаной сумкой. Бросил её на пол, не приближаясь. Илья открыл застёжки. Внутри лежали ножи, свёрнутые ткани, деревянные щипцы, пузырьки и связки сухих корней. Ни одной надписи он не понимал с первого взгляда: местные значки не складывались в знакомые слова, хотя речь звучала понятно.

— Где сива?

Мужчина в переднике присел на расстоянии и показал на узкий зелёный пузырёк.

— Сколько?

— Теван давал три капли ребёнку, семь взрослому.

— Борен принимал её раньше?

— Не знаю.

Новое средство могло усилить реакцию. Но Борен уже умирал, а другого лечения не было. Илья понюхал горлышко. Горький травяной запах, без резкой кислоты. Он капнул одну каплю на внутреннюю сторону губы пристава и подождал несколько ударов сердца. Новых пятен не появилось.

— Семь, — сказал мужчина.

— Пять сначала.

Илья нанёс капли под язык, продолжая поддерживать дыхание. В земной практике он бы не доверил неизвестному корню жизнь пациента. Здесь выбор был между неизвестным средством и почти неизбежным удушьем.

Прошла минута. Потом другая.

Руки у Ильи начали дрожать от усилия. Он менялся бы с напарником, но никого обученного рядом не было. Ирта следила за его движениями.

— Покажи, — сказала она.

— Что?

— Как давать воздух.

Он объяснил положение головы, плотность ткани, сказал смотреть на грудь и не дуть слишком сильно. Ирта заняла его место. Первый выдох прошёл мимо. Второй поднял грудь. Илья держал пальцы на шее Борена.

— Так. Не быстрее.

Пока Ирта работала, он осмотрел сыпь. Новые пятна не росли. Губы оставались отёчными, но свист стал громче. Парадоксально, это могло быть улучшением: воздух снова проходил через суженное горло.

— Он дышит сам, — сказала Ирта.

— Немного. Продолжай помогать, но пропускай его вдохи.

Синяя линия на чаше начала появляться до её выдоха. Слабая, короткая, но самостоятельная.

Судья подошёл ближе.

— Он выживет?

— Не знаю.

— Ты лекарь.

— Поэтому и говорю, что не знаю. Нужно наблюдать. Если отёк вернётся, он снова начнёт задыхаться.

— Это Красная горячка?

Илья посмотрел на рассыпанные листья, на пустые мешочки у ног стражников, на воду, стекавшую к чаше.

— Не похоже. Всё началось слишком быстро после того, как он надел мешочек. Пятна там, где трава касалась кожи. Но я не могу доказать причину одним случаем.

— Значит, можешь ошибаться.

— Могу.

Ответ явно оказался не тем, которого ждал судья.

— Теван на разборе говорил иначе, — произнесла пожилая женщина в синем платке. Она не ушла из зала. — Он говорил, что уверен.

Илья вытер рот тыльной стороной руки.

— Тогда он лгал или был глупее, чем думал.

По лицу женщины прошла тень удивления.

Борен закашлялся. Ирта убрала рожок. Пристав втянул воздух, хрипло, но сам. Красная линия стала чуть медленнее. Синяя держалась дольше.

Илья перевёл его на бок, чтобы слюна не попала в дыхательные пути, и накрыл плащом, предварительно стряхнув остатки травы. Потом только заметил кровь на собственной ладони. Железное кольцо содрало кожу у большого пальца. Боль была настоящей и неожиданно успокаивала.

— Приговор должен быть исполнен до полудня, — сказал писец. Голос у него дрожал. — Так записано.

Ирта поднялась. На коленях её одежды остались мокрые

тёмные пятна.

— Исполняйте, — сказала она. — А когда Борен снова перестанет дышать, пусть судья сам вспомнит, куда ставить рожок.

— Ты просишь пощады для убийцы своего брата? — спросил судья.

— Нет. Я прошу не убивать единственного человека в зале, который сейчас удержал вашего пристава живым.

— Тюремный лекарь знает корень сивы.

Мужчина в переднике покачал головой.

— Знаю корень. Не знал, что можно дать воздух через рожок.

— Научился, — сказал судья.

— Один раз увидел.

Илья сел прямо на мокрый пол. Слабость накатывала волнами. Он не знал, помог ли корень, снятие травы, вентиляция или всё вместе. Борен мог умереть через пять минут. Сам Илья мог снова оказаться на столе сразу после этого.

— Оставьте меня до вечера, — сказал он. — Если приставу станет хуже, помогу. Если нет — решайте дальше.

— До вечера полководец ждёт подтверждения приговора.

— Значит, скажете полководцу, что его пристав чуть не умер от защиты против болезни.

Судья посмотрел на чашу. Красный ритм Борена выравнивался. В верхней медной ёмкости вода дошла до края. Ещё несколько ковшей — и её опрокинули бы на голову осуждён-

ного.

— Полководец Раден не любит задержек, — произнёс судья.

— Удушье тоже.

Ирта тихо фыркнула. Не смех — скорее удивление, что приговорённый ещё способен дерзить.

Снаружи ударил колокол. Один раз, второй, третий. Ему ответил далёкий гул, будто в стенах двигалась вода.

Стражник у двери выглянул в коридор.

— С нижнего яруса сигнал. Красное полотнище у Медного спуска.

Люди снова заговорили.

— Сколько домов? — спросил судья.

— Не видно. Гонец поднимается.

Пожилая женщина перекрестила руки на груди.

— Горячка вернулась.

Илья посмотрел на приставов. Один уже топтал свой защитный мешочек сапогом. Другие чесали шеи там, где трава касалась кожи. Пока никто больше не задышался.

— Кто распорядился носить эти листья? — спросил он.

Судья не ответил.

Ответила Ирта:

— Военный лечебный двор. Сегодня утром. После приказа Радена готовить нижние водосбросы.

— Зачем готовить?

На этот раз молчание стало другим. Не непонимающим —

осторожным.

Ирта сняла с пояса большой ключ и положила ладонь на бороздки.

— Если Красную горячку подтвердят в трёх нижних кварталах, их затопят. Чтобы болезнь не поднялась к казармам.

Илья увидел каменные скамьи, желоба, чашу, которая повторяла дыхание, и медную ёмкость над столом. Весь город, похоже, умел превращать воду в приговор.

— Там есть люди?

— Двенадцать тысяч, — сказала Ирта.

Судья резко повернулся к ней.

— Не все останутся.

— Лестницы в верхний город уже закрывают.

— Ради порядка.

— Ради того, чтобы люди не принесли сюда горячку.

Из коридора донёсся топот. В зал вбежал молодой гонец, босой, с мокрыми штанами до колен. Он остановился, увидев Борена на полу и свободного осуждённого, но всё же выкрикнул:

— У Медного спуска ещё семеро! Красные ладони, рвота, двое не встают. В доме водоносов трое. У старой цистерны женщина упала прямо на улице.

— Соприкасались с первым домом? — спросил судья.

— Не знаю.

— Пусть стража закроет улицу.

— Нет, — сказал Илья.

Слово прозвучало слишком громко.

Судья медленно повернулся.

— Приговорённый забыл положение.

— Я очень хорошо вижу положение. У вас уже был дом, который закрыли с людьми. Девятнадцать умерли. Вы хотите повторить то же самое, не выяснив, что с ними.

— Его закрыл Теван.

— Тогда у вас есть возможность не повторять Тевана.

Старуха в синем платке поднялась и подошла почти вплотную. На её лице было больше усталости, чем гнева.

— А если ты снова ошибёшься?

Илья посмотрел на неё.

— Тогда ошибка должна быть видна. Не запирайте людей без воды и помощи. Отделите тех, кто рвёт и не может идти. Дайте им чистую воду из другой цистерны. Запишите, кто пил где и когда. Не трогайте рвоту голыми руками. Но не называйте всех на улице заражёнными только потому, что они живут рядом.

— Ты сказал «чистую», — заметила Ирта. — Думаешь, дело в воде?

— Думаю, это нужно проверить. Красные ладони и рвота могут быть отравлением. У пристава всё началось от травы, которую дали против болезни. Я пока не знаю, связано ли это.

— Каменная чаша показывала горячку в прошлом доме, — сказал мужчина в переднике.

— Что именно она показывала?

— Красный жар. Сбитое дыхание. Быстрый стук.

— Это бывает при десятках причин. Чаша не произнесла слово «зараза». Его произнёс лекарь.

Мужчина отвёл взгляд.

Илья почувствовал, что сказал важное не только для них, но и для Тевана, чьими руками сейчас опирался о мокрый пол. Возможно, именно этот человек когда-то принял красные линии за готовый ответ. Возможно, поспешил так же, как судья сейчас. Возможно, в чужом деле было больше, чем прочитанный приговор.

Это ничего не меняло для погибших.

Борен застонал. Илья снова проверил дыхание. Отёк губ немного уменьшился. Пристав открыл глаза, не понимая, где находится.

— Не вставай, — сказал Илья. — Дыши медленно.

— Теван? — выговорил Борен.

— Нет.

— Я видел, как тебя привели.

— Тело его. Я — Илья.

Пристав попытался усмехнуться и закашлялся.

— Плохо придумал.

— Согласен.

Судья отошёл к писцу. Они говорили тихо. Илья различил слова «Раден», «задержка» и «личная ответственность». Судья не решал, верит ли ему. Он решал, что опаснее для соб-

ственной должности: казнить полезного лекаря сейчас или задержать приказ полководца.

Наконец он вернулся.

— Исполнение откладывается до завтрашнего полудня.

Ирта покачала головой.

— За это время он едва дойдёт до нижнего яруса.

— Осуждённый не пойдёт никуда.

— Тогда зачем откладывать?

— Чтобы наблюдать пристава.

— А двенадцать тысяч пусть наблюдают воду у подбородка?

Судья повысил голос:

— Ты отвечаешь за водосбросы, а не за приговоры.

— Поэтому я знаю, сколько времени они открываются.

Если Раден велит начать ночью, к рассвету нижний рынок будет под водой. Завтрашний полдень никому не понадобится.

Снова ударил колокол. На этот раз пять раз подряд. Ирта побледнела.

— Что это? — спросил Илья.

— Подготовить восточный шлюз.

Судья выругался и посмотрел на гонца.

— Было подтверждение трёх кварталов?

— Я слышал только два сигнала.

— Пять ударов дают по приказу полководца, — сказала Ирта. — Ему подтверждение не нужно.

Она подняла ключ и шагнула к двери.

Стражники скрестили копыя.

— Никто не выходит до решения суда.

— Без меня восточный шлюз не откроют.

— Откроют запасным ключом.

— Запасной поворачивает только вход. Отвести воду в старое русло он не может.

Илья встал. Ноги всё ещё дрожали, но держали.

— Возьмите меня с ней.

Судья рассмеялся без веселья.

— Ты осуждён за то, что уже сделал в нижнем городе.

— Поэтому за мной будут следить. И поэтому я не стану повторять то же решение незаметно.

— Ты не помнишь решения.

— Но вижу его последствия.

Пожилая женщина в синем платке подошла к Борену, опустилась рядом и коснулась его лба. Потом посмотрела на судью.

— Мой дом на Медном спуске. Если вы оставите лекаря здесь, я пойду туда одна.

— Улицу закроют.

— Тогда закроют и меня.

За ней выступили ещё двое. Люди, недавно пришедшие смотреть казнь, внезапно вспомнили, что в нижнем городе живут их родственники.

Судья увидел это. Илья тоже.

— До завтрашнего полудня, — повторил судья, словно срок мог удержать расползающееся решение. — Осуждённый остаётся в цепи и под стражей. Он осматривает больных, но не касается чаш без разрешения. Ирта Вейн отвечает за его доставку и возвращение. Если он бежит, её ключ переходит военному двору.

— Если я откажусь? — спросила Ирта.

— Запасной ключ уже у восточного шлюза.

Она долго смотрела на судью. Потом протянула руку стражнику.

— Цепь длиннее. С этой он не спустится по лестницам.

Стражник заменил короткую цепь между кольцами на длинную, поясную. Один конец закрепил на руках Ильи, другой отдал Ирте. Она намотала звенья на предплечье.

— Не думай, что спасён, — сказала она.

— Не думаю.

— И не называй себя другим, чтобы я забыла, чьё это лицо.

Илья выдержал её взгляд.

— Не прошу забывать.

Работник передал ему кожаную сумку Тевана. Илья не хотел брать её. Чужие инструменты казались почти таким же обвинением, как лицо. Но внизу ждали люди, а его земная укладка осталась рядом с разбитой скорой — если Земля вообще ещё существовала для него.

Он повесил сумку через плечо.

На выходе Илья обернулся. Каменный стол был пуст. Вода из переполненной медной ёмкости тонкой струёй стекала через край, но никто не поворачивал рычаг. Лечебная чаша всё ещё светилась у пола, повторяя дыхание Борена.

Красная линия. Синяя. Пауза.

Не приговор. Только признак.

Илья вышел вслед за Иртой на лестницу. Снизу поднялся шум тысяч голосов и гул воды в древних стенах. Над городом снова ударил колокол, отсчитывая время до открытия шлюза.

Глава 2. Тело виновного

Лестница от зала суда шла вниз так круто, будто строители Керна рассчитывали не на людей, а на воду. Ступени были узкими, выгнутыми в середине и скользкими от тумана. Ирта спускалась первой, держа цепь коротко. Илья шёл за ней боком, чтобы скованные руки не тянули к стене. Следом сопели двое стражников.

С каждым пролётом город становился громче. Наверху колокольные удары казались отдельными звуками. Здесь они сливались с криками торговцев, хлопаньем ставен, скрежежом тележных колёс и глубоким гулом воды за каменной кладкой. Люди торопились вверх, прижимая к груди узлы. Навстречу им спускались солдаты с красными перевязями на копьях.

Увидев Илью, одни шарахались к стене, другие останавливались.

— Лекаря ведут.

— Казнили же.

— Вода не взяла.

— Это Теван.

Имя катилось вниз быстрее их самих.

Илья ловил чужие взгляды и впервые ясно почувствовал то, чего не понял на каменном столе. Для судьи тело было доказательством. Для улицы — памятью. Эти люди знали по-

ходку Тевана, его голос, руки, выражение лица. Кто-то, возможно, приносил ему больного ребёнка. Кто-то получал от него порошок. Кто-то стоял у заколоченной двери на Медном спуске.

Можно было сколько угодно повторять имя Илья. Лицо отвечало за другое.

На очередной площадке Ирта резко остановилась. Илья едва не налетел на неё. За аркой дорогу перегораживали четыре солдата. Посередине стоял офицер в тёмной броне без плаща. Его голова была выбрита до серой щетины, а на щеке белел широкий рубец.

— Вейн, — сказал он. — Восточный ключ.

Ирта не сняла руку с пояса.

— Приказ на открытие есть?

— Приказ на подготовку.

— Для подготовки ключ не нужен.

— Полководец велел собрать все пять.

— Тогда полководец знает, что ключ смотрителя нельзя забрать словом в проходе.

Офицер посмотрел на цепь.

— А этого почему не утопили?

— Спроси судью.

— Я спросил тебя.

— Пристав Борен перестал дышать. Осуждённый вернул ему дыхание. До полудня он осматривает больных.

Офицер перевёл взгляд на Илью. В нём не было ни удив-

ления, ни благодарности — только раздражение человека, которому добавили неудобную вещь в уже составленный список.

— Если лекарь снова объявит воду виновной, приведи его к восточному шлюзу, — сказал он. — Пусть расскажет это тем, кого смоем первым.

— Они и без него знают, что их смоем, — ответила Ирта.

Она шагнула вперёд. Офицер не двинулся, и несколько секунд они стояли почти вплотную. Потом он отступил. Солдаты освободили проход.

— У тебя всегда так разговаривают с вооружёнными людьми? — спросил Илья, когда арка осталась позади.

— Только когда вооружённые люди хотят забрать то, чего не умеют повернуть.

— Он вернётся.

— Вернётся.

Ирта сказала это спокойно. Не потому, что не боялась, понял Илья. Она просто уже поставила страх в ряд с другими делами.

Ещё через два пролёта она свернула не вниз, а в узкий коридор. Над дверью висела деревянная дощечка с вырезанным знаком чаши. Изнутри пахло уксусом, мокрой шерстью и горелыми травами.

— Больные у Медного спуска ниже, — сказал Илья.

— Ты едва стоишь.

— Стою.

Ирта дёрнула цепь. Его левое колено тут же подломилось, и он ударился плечом о стену.

— Тело не твоё, — сказала она. — Значит, ты не знаешь, сколько оно не ело, где у него болит и от чего оно падает. Мне нужен лекарь, который дойдёт до улицы, а не труп на середине лестницы.

Она постучала железным ключом в дверь.

Открыл невысокий мужчина с редкой белой бородой. Один его глаз был мутным, второй — быстрым и недовольным. На кожаном фартуке темнели пятна от настоек.

— Я слышал колокол, — начал он. — Если опять требуют весь запас сивы военному двору, скажи, что корни не растут от приказа.

Потом он увидел Илью.

— Не может быть.

— Может, — сказала Ирта. — Суд отложил казнь.

— Суд умеет откладывать только чужую работу.

Мужчина отступил, впуская их. Стражники остались у двери. В маленькой комнате стояли две лежанки, шкаф с глиняными банками и широкий стол. На нём сохли узкие полосы ткани. В углу над жаровней кипел медный котелок.

— Садись, — приказал хозяин Илье.

— Сначала воды.

— Если бы ты раньше так любил воду проверять, мне было бы легче тебя жалеть.

Илья сел. Ответить было нечего.

Старик налил в чашку из закрытого кувшина, понюхал воду сам и подал ему. Илья пил маленькими глотками. Только теперь заметил, как пересохло во рту. Желудок сжался от воды, словно от еды.

— Это Нарен, тюремный лекарь, — сказала Ирта. — Он осматривал Тевана после допросов.

— До допросов тоже, — поправил старик. — И до суда. И за семь лет до того, когда этот упрямец пришёл ко мне учиться различать кору и корень.

Он взял Илью за подбородок, повернул лицо к свету и провёл пальцами по затылку.

— Больно?

— Справа, ближе к темени.

— Тошнило?

— Не помню.

— Ты теперь вообще ничего не помнишь, как удобно.

Нарен поднял веки, заставил следить за пальцем, проверил, одинаково ли двигаются руки. Илья узнавал простой осмотр после удара головой. Движения были уверенными, хотя объяснял их здешний лекарь иначе.

— Зрачки ровные, рука не слабеет, речь не плывёт, — заключил Нарен. — Шишка есть. От неё можно забыть утро, иногда день. Семь лет не исчезают.

— Я помню свои тридцать.

— В чужой стране, с железными повозками, которые кричат на дорогах?

Илья посмотрел на него.

— Теван рассказывал?

— Ты рассказывал ночью. После второй чаши. Про белый свет под крышей повозки, про женщину Лену и ребёнка в маске. Потом очнулся и спросил, кто я.

Ирта перестала разматывать цепь с руки.

— Когда это было?

— Перед рассветом. Он метался, хотя жара не было. Ожог на руке светился, как край чаши. К полудню снова называл себя Теваном и потребовал суд.

У Ильи похолодели пальцы.

— Что значит снова?

Нарен нахмурился.

— До ночи ты не говорил ни о какой Лене.

— Значит, он видел меня до того, как я оказался здесь.

— Или ты придумал красивую ложь заранее, — сказала Ирта.

— Для кого? Он был один с лекарем.

— Для спасения от суда.

— Тогда почему утром отказался от неё?

Нарен стукнул чашкой о стол.

— Если собираетесь спорить, делайте это после еды. Я не буду отвечать суду, почему осуждённый умер от пустого живота до собственной казни.

Он поставил перед Ильёй миску жидкой каши. Ложки не дал. Из-за скованных рук пришлось поднять миску обеими

ладонями. На третьем глотке тело потребовало проглотить всё сразу. Илья заставил себя замедлиться.

Нарен тем временем осматривал чёрную полосу на его левом запястье. Это был не обычный ожог. Кожа не пузырилась и не мокла. Под ней тянулись тонкие тёмные линии, похожие на отпечаток треснувшего кольца.

— Вчера было меньше, — пробормотал лекарь.

— Откуда это?

— Из нижнего зала. Тебя нашли у главной чаши без чувств. Каменное сердце было открыто.

Ирта резко повернулась.

— Об этом на суде не говорили.

— Судили не за взлом древнего зала.

— Сердце закрыто тремя решётками. У Тевана не было ключа смотрителя.

— У него много чего не было, а потом находилось.

Ирта присела перед Ильёй и схватила его за запястье. Большой палец лёг точно на ожог. Боль прошла руку до локтя.

— Как ты вошёл?

— Не знаю.

— Где ключ?

— Не знаю.

— Если из-за тебя открыта заслонка сердца, вода уже могла пойти в старые ходы.

— Ирта, — сказал Нарен.

— Ты видел его ночью. Он что-нибудь держал?

— Его принесли двое храмовых сторожей. Без сумки, без плаща. В одной руке была каменная крошка. Я выбросил её в жаровню.

Ирта отпустила запястье.

— Камень какого цвета?

— Серый.

— В Керне весь камень серый.

— Этот зазвенел, когда упал на медь.

Они посмотрели на жаровню. Под котелком лежал толстый слой золы.

Ирта сняла его, не обращая внимания на ругань Нарена, и железной лопаткой стала разгребать угли. Илья опустился рядом. Сквозь серую пыль проступил осколок не больше ногтя. На первый взгляд обычный. Но когда Илья протянул руку, тёмные линии под ожогом дрогнули.

Осколок тихо звякнул.

Не о лопатку. Сам.

На одно короткое мгновение комната исчезла.

Илья увидел белый потолок машины скорой. Красный ремень свисал с крепления. Где-то совсем рядом пищал монитор — ровно, часто. Женский голос сказал:

— Корин, слышишь меня?

Он рванулся на звук. Видение оборвалось. Вместо ремня перед глазами качнулась цепь, а из опрокинутой жаровни посыпалась зола.

Ирта успела подхватить котелок.

— Что ты увидел?

Илья сел на пол. Сердце билось так, будто он только что бежал.

— Свою машину. Лену. Может быть.

— Машина — это железная повозка?

— Да.

— Она звала тебя?

— По фамилии.

Нарен перекрестил грудь двумя пальцами.

— Чаша выжгла ему разум.

— Нет, — сказала Ирта. — Если бы выжгла, осколок не ответил бы.

Она завернула камень в кусок ткани и спрятала во внутренний карман.

— Это моё, — сказал Илья.

— Это часть городского сердца.

— Она связана с тем местом, откуда я пришёл.

— А сердце связано с пятью шлюзами и жизнями тех, кто живёт внизу. Поэтому осколок будет у меня.

Илья хотел возразить, но остановился. В её словах не было попытки отнять у него дорогу домой. Она ещё не верила в эту дорогу. Она защищала вещь, от которой зависел город.

— Хорошо, — сказал он. — Только не выбрасывай.

— Я не тюремный лекарь.

— Выбрасывать непонятные камни не входит в лекарское

искусство, — обиженно буркнул Нарен. — В камерах и без них хватает заразы.

Слово повисло в комнате.

Илья поставил пустую миску на стол.

— Ты читал дело Тевана?

— Я давал заключение о его способности стоять перед судом.

— А записи о доме?

Нарен долго не отвечал. Потом открыл нижний ящик шкафа и достал свёрток, перевязанный чёрной нитью.

— Судья велел сжечь после исполнения. До исполнения дело должно оставаться целым.

Он положил свёрток на стол, но не развязал.

— Ты не умеешь читать? — спросил Илья.

Ирта усмехнулась впервые, хотя веселья в этом не было.

— Теван умел.

Илья посмотрел на верхний лист. Знаки были похожи на ряды углов, чаш и коротких черт. Он ждал того же странного узнавания, которое позволяло понимать речь. Оно не пришло.

— Я — нет.

— Очень удобное переселение, — сказала Ирта. — Язык оставило, письмо забрало.

— Возможно, язык знает тело.

— Тело знает и почерк.

Нарен разрезал нить.

— Я прочту. Но один раз. Если суд спросит, вы вырвали дело силой.

— Мы в цепях, — заметил Илья.

— Тем убедительнее будет мой рассказ.

Первым лежал перечень обвинений. Нарен читал сухо, без выражения. Семь недель назад в доме красильщиков у Медного спуска заболели двадцать семь человек. У них были красные ладони, рвота, слабость, у некоторых — жар и тяжёлое дыхание. Теван осмотрел пятерых и велел закрыть дом как заразный. Двери забили снаружи, у окон поставили стражу. Воду и еду должны были подавать через верхнее окно.

— Должны были? — переспросил Илья.

Нарен перевернул лист.

— В первые сутки подали два ведра. Потом водоносы отказались подходить.

— Двадцать семь человек. Два ведра.

— Домовой бак был полон, — сказала Ирта.

— В нём была та же вода, после которой они заболели?

Она медленно кивнула.

На второй день трое попытались выломать дверь. Стража отбросила их внутрь копьями. На третий день люди перестали отвечать из нижних комнат. Теван потребовал открыть дом, но совет квартала отказал без нового заключения чаши. Тогда он написал, что болезнь, возможно, не передаётся между людьми.

— Возможно? — спросил Илья.

— Так записано, — сказал Нарен.

— Он сам велел закрыть, а потом принёс им осторожное слово.

Ирта смотрела на него так, словно ждала оправдания.

Илья не дал его.

— Этого было мало.

Нарен продолжил. Новое заключение Теван не отдал в городской двор. Он спрятал его среди личных записей и ночью попытался пройти к дому. Его задержали. Утром двери всё-таки открыли по приказу Радена, потому что изнутри уже не доносилось звуков. Девять человек были живы. Восемнадцать умерли в доме, девятнадцатый — юноша по имени Ларс Вейн — скончался на дворе.

Ирта не шелохнулась.

— Ларс был её братом? — спросил Илья.

— Был, — ответила она.

Нарен достал третий лист. На нём стоял крупный знак, продавленный так сильно, что бумага порвалась.

— Это приказ Тевана о закрытии. Подпись и печать.

Илья коснулся края листа. Пальцы тела, вероятно, помнили это движение, но ему не пришло ни образа, ни чувства. Только бумага, грубая и тёплая от чужих рук.

— Он подписал один?

— Решение о болезни принимал лекарь, — сказал Нарен.
— Решение выставить стражу подтвердил квартальный совет. Раден дал солдат.

— Значит, отвечали несколько человек.

— Не смей, — тихо произнесла Ирта.

— Я не делю вину, чтобы Тевану досталось меньше. Я хочу знать, кто может повторить приказ сегодня.

Она отодвинулась от стола.

— Повторить могут все. Совет уже велел заколотить три дома. Солдаты несут доски.

Илья встал так быстро, что стул опрокинулся.

— Почему ты не сказала?

— Потому что хотела понять, веду ли вниз того же человека.

— Поняла?

Ирта посмотрела на лист с подписью.

— Нет.

— Тогда решай по дороге.

Он потянулся к свёртку, собираясь взять дело. Нарен прижал бумаги ладонью.

— Здесь ещё не всё.

Последним оказался тонкий лист с перечнем осмотров. Нарен прочёл дату, имена пятерых больных и короткие заметки: цвет ладоней, число ударов сердца, жар, рвота. Рядом с каждым именем стоял знак одной и той же чаши.

— Все пятеро из одного дома, — сказал Илья. — Кого-нибудь снаружи Теван осматривал?

— На этом листе нет.

— Кто ещё заболел за три дня, пока дом был закрыт?

Нарен искал среди бумаг.

— Список должен быть здесь.

Он перебрал листы ещё раз, заглянул в свёрток и в ящик.

— Нет.

— Ты видел его раньше?

— На суде писец читал: двое стражников жаловались на слабость, у женщины из соседнего дома покраснели руки. Это сочли подтверждением распространения.

— Они пили из того же водовода?

— Все на Медном спуске пьют из старой цистерны, — сказала Ирта.

— А что с ними стало?

— Женщина жива. Один стражник вернулся в казарму на следующий день. Второй умер.

— От чего?

— В деле было заключение, — сказал Нарен. — Клянусь чашей, было.

Он вытащил пустую обложку и провёл пальцем по оборванным нитям. Один лист не выпал и не потерялся. Его вырезали.

— Кто брал дело после суда? — спросил Илья.

— Писец. Потом люди Радена, чтобы снять копию для военного двора. Вернули утром перед казнью.

Ирта забрала обложку и поднесла к свету.

— Нить срезана недавно. Край светлый.

— Может, лист доказывал, что Теван отравил колодец, —

сказал Нарен. — Тогда военному двору незачем его прятать.

— А если он доказывал обратное? — спросил Илья.

— Обратное чему?

— Что болезнь не шла от человека к человеку. Или что умерший стражник был в другом месте. Или что все заболевшие брали воду из одной цистерны.

Ирта бросила обложку на стол.

— Теван обвинял военный склад. На суде сказали, что он придумал это после дома, чтобы спасти себя.

— Возможно, придумал. Возможно, нашёл. Пока у нас нет листа, это только две версии.

— У тебя уже есть любимая.

— У меня есть вопрос. Это не одно и то же.

Она подошла близко. Цепь между ними провисла.

— Мой брат не был вопросом.

— Нет.

— Он звал меня через дверь. Я стояла снаружи. Теван сказал, что, если открыть, погибнет весь спуск. Я поверила лекарю и удерживала соседей. На третий день Ларс уже не мог кричать. Только стучал. Три раза, пауза, ещё три. У нас так мать звала домой.

Илья не отвёл глаз.

— Я не могу вернуть тебе брата.

— Даже вспомнить его не можешь.

— Не могу.

— Тогда почему носишь его убийцу?

Вопрос был несправедливым и совершенно точным. Илья не выбирал это тело. Но именно его руками он мог сейчас открыть дверь или позволить забить её досками.

— Не знаю, почему оказался в нём, — сказал он. — Но если скажу, что не виноват и потому ничего не должен, дома всё равно закроют с людьми. Я не возьму на себя его память. Её у меня нет. Не назову себя убийцей твоего брата, потому что это будет ложью. Но последствия достались мне вместе с руками. Значит, исправлять то, что ещё можно исправить, буду я.

Ирта молчала.

Нарен сложил бумаги. На дне свёртка обнаружилась маленькая дощечка, покрытая воском. На ней было выцарапано всего несколько строк.

— Запись Тевана, — сказал он. — Почерк его.

— Читай.

Лекарь поднёс дощечку к окну.

— «Жар не первый. Сначала рвота и краснота рук. В верхней комнате легче тем, кто пил дождевую. Чаша слышит примесь, но я назвал её дыханием больного. Ларс Вейн просил открыть дверь. Я велел ждать».

Нарен перевернул дощечку.

— Больше ничего.

Ирта закрыла глаза.

Илья услышал в этих коротких строках не признание невиновности. Теван ошибся, увидел ошибку и всё равно

ждал. Может быть, боялся суда. Может быть, хотел собрать доказательства. Девятнадцать человек заплатили за его осторожность после поспешного приказа.

— Отдай мне, — попросила Ирта.

Нарен протянул дощечку. Она провела пальцем по имени брата и спрятала запись рядом с каменным осколком.

С улицы донёсся удар молотка.

Потом второй.

Ирта первая бросилась к двери.

На площадке стражники уже смотрели вниз. По лестнице поднималась женщина с девочкой на руках. Лицо ребёнка было серым, глаза закрыты. За ними шёл мужчина, прижимая ладонь ко рту. Его пальцы и запястье были красными, словно он окунул руки в краску.

— Не пускайте! — крикнул один из стражников.

Он выставил копье.

Илья перехватил древко скованными руками и отвёл в сторону.

— Сколько ей лет? — спросил он у женщины.

— Девять. Она не пьёт, всё выходит обратно.

— Когда мочилась последний раз?

Женщина не поняла.

— В нужник когда ходила?

— Ночью. Может, ночью.

Илья коснулся шеи девочки, нашёл частый слабый пульс. Губы сухие, дыхание быстрое. На ладонях краснота была

пятнистой, но жара почти не чувствовалось.

— Откуда брали воду?

— Из старой цистерны. Как всегда.

— Остальные дома?

— Солдаты закрывают. Там моя мать.

Снизу снова ударил молоток. Размеренно, деловито.

Илья посмотрел на Нарена.

— Чистая вода есть?

— Два кувшина из дождевого бака.

— Нужна соль. И что-нибудь сладкое.

— Ты хочешь поить её рассолом?

— Слабым. Маленькими глотками. Она теряет воду с рвотой. Если сразу дать много, снова вырвет.

Нарен не стал спорить. Достал мерную ложку, соль и горшочек густого плодового сиропа. Илья следил, чтобы раствор не сделали крепким. Он не мог проверить состав местной соли и не собирался изображать точность, которой здесь не было. Важнее было давать понемногу и наблюдать.

— Намочите ей губы. Потом один глоток. Подождите, — объяснил он матери. — Если удержит, ещё один.

— Это горячка? — спросила женщина.

— У неё опасная потеря воды. Причину я пока не знаю.

— Нас закроют?

Илья взглянул на Ирту.

— Нет, — сказала та.

Она размотала цепь с предплечья и сунула свободный ко-

нец одному из стражников.

— Держи.

— Судья велел тебе отвечать за него.

— Я и отвечаю.

Ирта вытащила большой ключ, вставила его в железную решётку поперёк бокового прохода и повернула обеими руками. Замок открылся с глухим щелчком.

— Этот ход выходит ниже дома красильщиков, — сказала она Илье. — До Медного спуска семь минут, если не упадёшь.

— А цепь?

— Стража приведёт тебя следом. Я остановлю молотки.

Она побежала вниз.

Один стражник выругался и бросился за ней. Второй остался с концом цепи, растерянно глядя то на Илью, то на больную девочку.

— Если она удержит воду, несите в лечебный двор, не в закрытый дом, — сказал Илья матери. — Нарен, запиши, откуда вода и кто ещё пил. Не только кто прикасался к ней.

Тюремный лекарь кивнул.

Илья поднял сумку Тевана. Под ремнём саднил ожог. Где-то у Ирты в кармане лежал осколок сердца, способный на миг показать дорогу домой. Здесь, на лестнице, плакала женщина, а внизу солдаты забивали двери по приказу, который однажды уже подписали его рукой.

Тело виновного не давало ему ни права на прощение, ни

готового ответа.

Оно давало только возможность успеть раньше следующего удара молотка.

— Идём, — сказал Илья стражнику.

И они побежали вниз.

Глава 3. Нижний Керн

Семь минут Ирты превратились для Ильи в двенадцать. Стражник, державший цепь, дважды поскользнулся, один раз едва не уронил копьё и на каждом повороте требовал идти медленнее. Илья не слушал. Удары молотка доносились всё отчётливее.

Боковой ход вывел их на мостик, переброшенный между двумя домами. Керн раскрылся перед Ильёй сразу весь — не улицами, а слоями.

Высоко над головой белели верхние стены. Они ловили солнце, хотя здесь, внизу, уже лежала тень. Под ними теснились красные крыши среднего города, трубы мастерских и галереи с навесами. Ещё ниже дома словно вращались друг в друга. Их стены опирались на древние арки, лестницы проходили через чужие дворы, водостоки ныряли под окна и снова появлялись на соседней улице.

Город стоял не на земле. Он висел над ней.

Между опорами в глубине блестела чёрная вода. От неё поднимался сырой холод. Каменные желоба тянулись вдоль стен, пересекались и уходили в решётки. На каждой развилке были вырезаны знаки, похожие на раскрытые ладони. Некоторые каналы оставались сухими, в других вода бежала быстро и бесшумно.

Илья понял, почему Ирты говорила о ключах как о живых

людях. Если повернуть не тот затвор, вода не просто поднимется. Она выберет улицу.

Медный спуск начинался за мостиком. Название ему дали не крыши и не вывески. Камни под ногами были покрыты рыжими полосами, будто по лестнице годами стекала ржавая вода.

У первого дома двое солдат держали поперёк двери толстую доску. Третий забивал скобу. Вокруг кричали люди. Ирта стояла между молотком и стеной.

— Убери руку, — велел солдат.

— Убери скобу.

— Дом отмечен лекарем.

— Каким?

Солдат указал на худого мужчину в жёлтом плаще. Тот держал у лица пропитанную чем-то повязку и старался не приближаться к двери.

— Я осмотрел женщину у окна, — произнёс он глухо. — Красная горячка.

— Что ты у неё осмотрел? — спросил подоспевший Илья.

Толпа расступилась. Кто-то выругался, кто-то назвал его мертвецом.

Мужчина в жёлтом плаще отшатнулся.

— Теван.

— Илья. Что было у женщины?

— Красные руки. Рвота. Жар.

— Ты вошёл в дом?

— Не требуй от меня безумия.

— Сколько там людей?

— Девять.

— Сколько больных?

— Одна показалась у окна.

Илья подошёл к двери. Изнутри кто-то колотил кулаком.

— Отойдите! — крикнул солдат. — Печать уже поставлена.

На косяке действительно был размазан красный воск. Илья посмотрел на Ирту.

— Можешь открыть?

— Дверь ещё не забита.

Она выдернула недовбитую скобу большим ключом, как рычагом. Солдат поднял молоток, но вокруг уже теснились десятки жителей. Стражник с цепью встал рядом с Ильёй и неожиданно направил копьё не на него, а в землю между Иртой и солдатами.

— Суд велел осуждённому осматривать больных, — сказал он. — До полудня.

Это было слабое оправдание, но оно дало всем возможность не начинать драку.

Ирта откинула доску. Дверь распахнулась, и на улицу вывалился пожилой мужчина с деревянной колотушкой в руке. За ним стояли две женщины и трое детей. Они жались к дальней стене, подальше от женщины, лежавшей на тюфяке возле окна.

— Никто не выходит, пока не осматрю, — сказал Илья.
— Не потому, что вы заперты. Потому что на лестнице толпа и больную затопчут.

Он вошёл. Ирта — следом. Лекарь в жёлтом плаще остался за порогом.

В доме пахло кислой рвотой и мокрой глиной. Женцина на тюфяке была в сознании. Она лежала, поджав ноги, и держала ладони вверх. Краснота шла от пальцев к запястьям ровными пятнами, но лицо оставалось бледным.

— Как зовут?

— Дара.

— Дара, где болит?

— Живот. И во рту железо.

— Дышать тяжело?

— После рвоты.

Илья посчитал дыхание, приложил пальцы к шее, попросил показать язык. Потом осмотрел остальных. У старшего мальчика краснели кончики пальцев, хотя он утверждал, что чувствует себя хорошо. У пожилого мужчины дрожали руки, но жара не было. Две женщины и младшие дети выглядели здоровыми.

— Что ели вместе? — спросил Илья.

— Лепёшки, лук, похлёбку, — ответил хозяин. — Как всегда.

— Воду все пили одну?

— Дара и Пин с утра ходили к старой цистерне. Остальные

пили вчерашнюю.

— Вчерашнюю откуда?

— Собирали с крыши. Ночью дождь был.

Ирта посмотрела на Илью.

Совпадение ещё ничего не доказывало. Но оно повторяло запись Тевана.

— Не давайте им воду из цистерны, — сказал Илья. — Нужна дождевая или из другого яруса. Пить понемногу. Остальные могут выйти, но пусть Нарен запишет имена и где каждый брал воду.

Лекарь в жёлтом плаще всё-таки переступил порог.

— Ты выпускаешь тех, кто был рядом с больной?

— Они и до двери были рядом. Ты уже стоишь ближе, чем младший ребёнок всю ночь.

— Чаша показала у неё красный жар.

— Где чаша?

— Во дворе.

— Ты принёс к ней воду из этого дома?

— Я приложил её ладонь.

— Тогда чаша показала ладонь. Не причину.

Мужчина сорвал повязку с лица.

— Ты сам учил нас доверять чашам.

Илья почувствовал на себе взгляд Ирты.

— Значит, учил неправильно.

Он помог Даре сесть. У неё закружилась голова, и она снова легла. Нести её следовало на тюфяке, не заставляя идти

по лестницам.

— Кто здесь может сделать носилки?

Пожилой хозяин указал на дверь.

— Пекари напротив. У них щиты для хлеба.

Через несколько минут щит уже лежал на двух жердях. Илья обвязал Дару простынёй, чтобы она не соскользнула. Люди за дверью наблюдали, как обычная домашняя вещь становится носилками. Когда женщину вынесли, толпа попятилась, но Ирта пошла впереди и заставила освободить проход.

— В лечебный двор, — распорядилась она. — Не к старой чаше. Через улицу гончаров.

— Там тоже закрывают дом! — крикнул кто-то.

— У водоносов трое лежат!

— На Рыбной лестнице мальчик умер!

Голоса посыпались со всех сторон. Каждый сообщал самое страшное, что слышал, и через минуту один умерший превращался в пятерых. Илья поднялся на порог.

— Замолчите!

Его не слышали.

Тогда Ирта вытащила ключ и трижды ударила им по железной скобе. Звон получился резким, почти колокольным.

— По одному! — крикнула она. — Называйте улицу, дом и что видели сами. Не что сказала соседка.

Первой заговорила гончарка с обожжёнными предплечьями. В её дворе заболели двое: у одного рвота, у другого толь-

ко красные руки. Потом водонос сообщил о трёх людях у цистерны. Молодой парень с корзиной видел женщину без сознания, но не знал, больна ли она. Старик с Рыбной лестницы признался, что мёртвого мальчика сам не видел — услышал от торговки.

Ирта заставляла повторять адреса. Илья попросил стражника найти писца. Тот оглянулся на солдат, на открытый дом и неожиданно побежал вверх.

— Ты сейчас устроишь собрание посреди улицы, — сказал лекарь в жёлтом.

— Лучше список посреди улицы, чем девять запертых домов по слухам.

— Пока мы пишем, зараза идёт дальше.

— А пока вы забиваете двери, люди продолжают пить из цистерны.

Слово «цистерна» слышали все.

Толпа качнулась. Несколько женщин бросились к переулку.

— Не толпитесь у воды! — крикнула Ирта. — И не лезьте закрывать её сами!

Но страх уже сменил направление. Минуту назад люди боялись соседей, теперь — каждого кувшина.

Илья спрыгнул с порога и догнал первых у поворота. За ним звенела цепь.

Старая цистерна оказалась круглым каменным колодцем под низким навесом. Вода поступала по закрытому жёлобу

из стены. Рядом лежали опрокинутые вёдра. На камнях темнели мокрые следы, а в щели у основания собралась рыжая пена.

— Не трогайте воду, — сказал Илья.

— Ты же сам сказал, что она виновата! — выкрикнула женщина.

— Я сказал, что её нужно проверить. Если разбить жёлоб, мы потеряем след и оставим квартал без воды вообще.

Ирта опустилась возле щели, понюхала пену и растёрла каплю между пальцами. Илья перехватил её запястье.

— Не голой рукой.

— Я тридцать лет трогаю эту воду.

— А красные ладони у людей появились сейчас.

Она вытерла пальцы о камень, но спорить не стала. Достала из кармана платок, обернула им руку и подняла одно из вёдер.

На внутренней стенке шёл тонкий красноватый ободок.

— Раньше был? — спросил Илья.

— После весенней мути бывает бурый. Такой — не знаю.

— Нужны сосуды. Чистые, закрытые. Наберём здесь и ещё в двух местах.

— Зачем в двух?

— Чтобы сравнить. Если одинаковая вода везде, я ошибся. Если отличается — ищем, где меняется.

Лекарь в жёлтом добрался до них, тяжело дыша.

— Чаша сравнит быстрее.

— Сначала подпишем, откуда каждая проба. Иначе получим красивые линии без смысла.

Ирта махнула гончарке.

— Мираль! Нужны три новых кувшина с крышками. Не глазурованные красным.

— Почему не красным?

— Потому что я хочу видеть, что оставит вода, а не твоя краска.

Мираль кивнула и ушла к своему двору.

Илья наклонился к жёлобу. Металлический запах ощущался даже без глотка — слабый, похожий на мокрые монеты. Но он не знал местных труб, пород и обычного вкуса воды. Нельзя было превращать первое впечатление в диагноз. Теван уже сделал нечто похожее с чашей.

— Куда ведёт этот канал? — спросил он.

Ирта провела пальцем по знакам на камне, теперь через платок.

— Со старого северного водовода. Он проходит под средним городом, потом делится на три нижние цистерны.

— Откуда приходит в водовод?

— Из сборного колодца под площадью Победы.

— А что ещё рядом?

Она посмотрела на него.

— Храм, зерновые подвалы, старые армейские кладовые.

Люди вокруг слышали последнее слово. По толпе пробежал ропот.

— Не выводите пока ничего, — сказал Илья громче. — Мы только знаем, что часть больных пила здесь. Нужны другие пробы и осмотр людей.

— Теван уже обвинял склад! — крикнул мужчина с красными пальцами. — За это его и судили.

— Его судили за закрытый дом и умерших.

— Полководец сказал, что лекарь отравил колодец, чтобы скрыть ошибку.

— Где сказал?

Ответом стал новый колокольный удар.

Не пять коротких, как у восточного шлюза. Один длинный гул прокатился между стенами. Люди начали поворачиваться к башне на среднем ярусе. На балконе развернули красное полотнище с чёрным знаком меча.

— Глашатай Радена, — сказала Ирта.

Голос сверху усиливала медная труба. Слова падали на нижний город с паузами, чтобы их успевали повторять помощники на улицах.

— Жители Керна! В нижних кварталах подтверждено возвращение Красной горячки!

На соседней площадке другой человек повторил фразу. Потом ещё один — дальше, под аркой. Через несколько мгновений весь нижний город услышал одно и то же.

— Болезнь, однажды принесённая изменниками в дни великой осады, вновь угрожает городу!

Ирта стиснула ключ.

— Они ещё никого не осмотрели у гончаров.

— По приказу полководца Радена Кара нижние водосборы закрываются. Переходы наверх будут доступны для здоровых жителей после осмотра. Больные и соприкасавшиеся с ними остаются в домах до очищения улиц.

— Что значит очищение? — спросил Илья.

Никто не ответил.

Глашатай продолжил:

— Завтра на закате восточный и южный шлюзы подадут чистую воду в нижние каналы. Поток смоев болезнь в старое русло. Мирным жителям, исполняющим приказ, будет оказана помощь.

Толпа застыла.

Теперь Илья понял. Не просто подтопить пустые улицы. Раден собирался открыть воду там, где велел оставить больных и всех, кто с ними соприкасался.

— Сколько поднимется? — спросил он.

— На Медном спуске до второго этажа, — сказала Ирта.
— У лечебного двора — выше ворот.

— А дома?

— Старые выдержат поток. Новые сложаются.

— Сколько здесь людей?

— В трёх нижних кварталах около двенадцати тысяч.

Наверху перечисляли правила. Не покидать дом без метки лекаря. Не переносить воду. Не скрывать больных. Не препятствовать военному двору. За нарушение — арест как за

содействие изменникам.

Последнее слово повторилось эхом.

Изменники.

Не больные. Не жители. Уже виновные.

Илья вспомнил аварию, из которой пришёл сюда: машины, застывшие поперёк мокрой дороги, людей, которые пытались помочь и мешали друг другу. Там не было времени выяснять, кто заслужил спасение. Сначала оттаскивали от бензина, освобождали дыхание, останавливали кровь. Здесь Раден заранее выбрал тех, кого можно не выносить.

— Если переходы наверх только для здоровых, кто решает? — спросил Илья.

Лекарь в жёлтом поднял подбородок.

— Мы.

— По красным ладоням?

— По чаше.

— Тогда девятеро из дома Дары остались бы заперты из-за одной больной.

— Так безопаснее для города.

— Для какого города? Они тоже город.

С площади донёсся ритмичный стук копий. По верхней улице шла колонна солдат. Впереди несли дощечки для меток: белые для допущенных наверх, красные для домов с больными, чёрные для нарушителей.

Ирта взобралась на край цистерны.

— Слушайте меня! — крикнула она. — До завтрашнего

заката вода не придёт сама. Каждый затвор должен открыть наблюдатель. Пока ключ у меня, восточный поток не направят на Медный спуск.

— У них запасной! — отозвался кто-то.

— Запасной откроет подачу, но не закроет боковое русло. Если я доберусь до нижнего механизма, часть воды уйдёт мимо домов.

— Часть? — спросила мать больной девочки, пробравшаяся к цистерне. — А остальная?

Ирта не стала лгать.

— Остальная останется здесь, если мы не откроем другие ходы.

Люди заговорили одновременно. Кто-то требовал бежать вверх сейчас. Кто-то предлагал напасть на солдат. Кто-то кричал, что больных надо выгнать к воде, пока не закрыли переходы.

Илья снова почувствовал, как решение распадается на страхи. Им нужна была не речь о справедливости, а работа, которую можно начать руками.

— Ирта, где сухое место выше второго этажа, куда можно перенести тех, кто не ходит?

— Печной двор Мираль. Каменная площадка у старой стены.

— Сколько входов?

— Три.

— Вода там есть?

— Дождевой бак и малый канал со среднего яруса.

— Тогда делаем лечебный двор там. Не складировем всех вместе. Отдельно тех, кто рвёт и слабеет, отдельно тех, у кого только красные руки, отдельно здоровых помощников. Записываем, кто какую воду пил. Нужны носилки, кувшины, ткань, свет.

Лекарь в жёлтом фыркнул.

— Ты устроишь беспорядок без чаши.

— Принеси малую чашу, если умеешь ею пользоваться. Но ни один её цвет не будет приговором без осмотра.

— Ты мне запрещаешь?

— Нет. Предлагаю выбрать: помогать живым или ждать, пока Раден пришлёт новые доски.

Мираль вернулась с тремя светлыми кувшинами. Она слышала последние слова.

— Печной двор мой, — сказала она. — Я решаю, кто там ждёт. Больных пущу. Военных писцов — нет.

— Писец нужен нам, — возразил Илья.

— Нашего посажу. Внучка пишет лучше военных.

— Подойдёт.

Задачи нашлись быстро, когда перестали обсуждать весь город сразу. Двое пекарей пошли снимать двери для носилок. Водоносы вызвались принести дождевую воду, но Илья потребовал пометить каждый сосуд. Мираль отправила мальчишек собирать чистые тряпки. Ирта назвала три пути на печной двор, чтобы носилки не столкнулись на одной

лестнице.

Стражник, всё ещё державший Ильину цепь, спросил:

— А мне что делать?

— Как зовут?

— Севр.

— Севр, ты видел приказ суда?

— Слышал.

— Тогда води меня к больным и не давай толпе разорвать.

Это будет честное исполнение.

Стражник подумал и укоротил цепь, чтобы она не волочилась по грязи.

Солдаты с дощечками вошли на площадь. Их вёл тот самый офицер с рубцом. Он увидел открытый дом, людей у цистерны и Илью на краю импровизированного лечебного сбора.

— Вейн! — рявкнул он. — Я велел привести лекаря к шлюзу, если он снова обвинит воду.

— Он воду проверяет, — ответила Ирта. — А ты уже вынес ей приговор?

Офицер поднял руку. Колонна остановилась.

— По приказу Радена все дома с признаками горячки отмечаются красным. Жители остаются внутри.

— Покажи приказ с его печатью, — сказала Ирта.

Он вынул дощечку из-за нагрудника. Ирта прочла и передала Илье, затем вспомнила, что он не знает письма.

— Печать настоящая, — сказала она. — Три квартала

признаны заражёнными. Лекарям военного двора велено отделять больных. Смотрителям — сдать ключи до вечернего колокола.

— А про запертые дома?

— «Ограничить выход по решению лекаря».

— Решение уже есть, — заявил мужчина в жёлтом плаще.

— Моё тоже, — сказал Илья. — Дом Дары открыт.

Остальных осматриваем во дворе.

Офицер рассмеялся.

— Приговорённый не отменяет решения свободного лекаря.

— Тогда пусть свободный лекарь войдёт в каждый дом и отвечает именем за каждого, кого оставит под водой.

Улыбка исчезла.

Илья не знал законов Керна, но угадал главное: пока потери называли числом, никто не отвечал за отдельную дверь.

— Пиши, — сказал он внучке Мираль, прибежавшей с восковой дощечкой. — Дом первый. Дара, больна. Пин, краснота пальцев, других жалоб нет. Семеро без признаков. Вода: больные пили из старой цистерны, остальные дождевую.

Девочка быстро зацарапала знаки.

— Имена всех семерых, — добавил Илья. — Не «остальные».

Офицер смотрел, как она пишет.

— Зачем?

— Чтобы после очищения никто не сказал, что здесь было пусто.

В толпе стало тихо.

Ирта вынула из кармана дощечку Тевана. На миг Илья решил, что она покажет её всем. Но Ирта лишь сжала запись в ладони и убрала обратно.

— Ключ я не сдам, — сказала она офицеру. — До вечернего колокола у тебя есть время принести приказ, где Раден своей рукой пишет, сколько живых домов велит затопить и почему запасной ход закрыт.

— Он не отчитывается перед смотрительницей.

— Тогда пусть сам открывает ржавый затвор, когда его закусит под давлением.

Офицер шагнул к ней. Севр передал цепь Ильи другому стражнику и встал рядом с Иртой. Пекари подняли жерди. Мираль взяла тяжёлый кувшин обеими руками. Никто не выглядел воином, но солдатам пришлось бы начать давить тех самых мирных жителей, которых приказ обещал защитить.

— До вечернего колокола, — повторила Ирта.

Офицер с рубцом оценил площадь и опустил руку.

— Тогда вы оба пойдёте к полководцу. Пусть Теван повторит ему сказку о воде.

— Повторю, — сказал Илья. — С пробами и списком больных.

— До верхнего двора ты не доживёшь, если люди вспомнят Медный дом.

— Они уже помнят.

Офицер развернул колонну. Солдаты не ушли, а заняли оба выхода с площади. Красные дощечки остались у них в руках.

Ирта спрыгнула с края цистерны.

— Ты только что вызвался к Радену.

— Он всё равно прислал бы за нами.

— Прислал бы. Но позже.

— До вечернего колокола нужно собрать то, что нельзя назвать сказкой.

Мираль протянула ему первый кувшин. Илья обернул ладони тканью, набрал воду из старой цистерны и плотно закрыл крышку. Внучка гончарки процарапала на сырой глине знак места и время.

Второй кувшин предстояло наполнить дождевой водой. Третий — в среднем ярусе, если солдаты пропустят. Три сосуда не давали готового ответа, но позволяли задать вопрос так, чтобы его было труднее вырезать из дела.

Над крышами снова показалось красное полотнище Радена. Под ним открывали решётки верхних переходов и ставили столы для осмотра. Очередь уже тянулась по лестнице: тысячи людей надеялись получить белую дощечку раньше, чем их сосед покраснеет или вырвет.

А в стенах гудела вода.

Илья прижал к груди запечатанный кувшин и посмотрел вниз, туда, где древние опоры уходили в темноту. Нижний

Керн не был заражённым пятном под чистым городом. Это были дома, имена, лестницы, печи, люди на носилках и те, кто их нёс.

Раден уже назвал их расходом, только выбрал для этого другое слово.

До вечернего колокола Илье предстояло заставить воду заговорить точнее полководца.

Глава 4. Вода пахнет монетой

Первую пробу Илья доверил не солдату и не лекарю в жёлтом плаще, а Мираль.

Гончарка приняла кувшин обеими руками, постучала ногтем по крышке и подозвала внучку.

— Где поставишь знак?

Девочка указала на влажную глину под горлышком.

— Здесь. Если крышку повернут, черта разойдётся.

Она процарапала остриём две короткие линии: место и час. Потом провела третью через крышку и плечо сосуда. Илья попросил повторить вслух.

— Старая цистерна Медного спуска. После третьего утреннего звона. Набрал Теван, видели Мираль, Ирта Вейн и Севр.

При имени Тевана несколько человек в толпе загудели. Илья не поправил девочку. Для них он был Теваном, и доказательство, собранное под другим именем, ничего бы не стоило.

— Убери в печной двор, отдельно от питьевой воды. Никому не открывать.

— Даже тебе?

— Особенно мне одному. Откроем при свидетелях.

Мираль одобрительно дёрнула подбородком. Солдаты на выходах площади не вмешивались, но офицер с рубцом оста-

вил рядом двух людей. Один следил за Ильёй, второй — за ключом на поясе Ирты.

Дождевой бак стоял за печами. Вода в него стекала с широкой черепичной крыши через желоб, забранный сеткой. Мираль клялась, что ночью бак был пуст и наполнился свежим дождём, однако Илья всё равно осмотрел дно, стенки и ковш. На камне лежал обычный серый осадок, пахло сырой глиной и золой. Металлического привкуса в воздухе не было.

Он не стал пить. Набрал немного воды в деревянную ложку, посмотрел на свет, смочил белую тряпку. Прозрачная. В первой пробе тряпка уже через минуту приобрела слабый рыжий оттенок, заметный только рядом с чистым краем.

— Это и есть яд? — спросил Севр.

— Это цвет, — ответил Илья. — Иногда ржавчина — просто ржавчина. Иногда чистая на вид вода опаснее мутной. Нам нужно не угадать, а сравнить.

— Ты всё время говоришь, чего не знаешь.

— Потому что человек, уверенный раньше проверки, уже запер здесь девятнадцать человек.

Ирта стояла у входа. Лицо её не изменилось, но пальцы легли на ключ так, словно металл мог удержать прошлое на месте.

Второй кувшин запечатали тем же способом. Девочка записала: дождевой бак печного двора, тот же час, вода с крыши после ночного дождя. Илья настоял, чтобы свидетели стояли в прежнем порядке. Севр усмехнулся, но перешёл

слева направо.

— Если нас поведут к Радену, — сказал Илья, — он первым делом спросит, не подменили ли мы воду.

— Нет, — возразила Ирта. — Первым делом он спросит, кто разрешил нам её брать. А уже потом скажет, что подменили.

— Значит, ответим на оба вопроса.

Третья проба была труднее. Ближайший источник среднего яруса находился за верхним переходом, где солдаты ставили белые метки. Офицер не собирался выпускать Илью с площади.

— Полководец велел привести вас, — сказал он. — Не водить осуждённого по городу с кувшинами.

— Я согласился прийти с пробами, — напомнил Илья.

— Двух хватит.

— Двух хватит, чтобы выбрать ту, которая нравится. Нужна вода между верхним сборным колодцем и нижней цистерной. Тогда станет ясно, где появляется примесь.

Офицер перевёл взгляд на Ирту.

— Он правда понимает водоводы?

— Нет, — сказала она. — Поэтому спрашивает меня.

— А ты понимаешь. Скажи ему, что северный ход закрыт решёткой.

— Решётка не мешает воде пройти. Только людям.

— Вот и не пройдёте.

За спиной Ильи вскрикнула женщина. На печном дворе

Дара приподнялась на носилках, закашлялась и снова легла. Рядом мальчик Пин вырвал в глиняную миску. Мираль махнула внучке, та торопливо добавила знак на дощечку.

Офицер поморщился и отступил.

— Мы возьмём воду на столе осмотра, — предложил Илья. — Там ваши люди. Ваш лекарь. Ваш сосуд, если хотите. Нам нужна только отметка, откуда её принесли.

— Воду на столы носят из Белой пасти.

Ирта резко повернулась к нему.

— Из какого отвода?

— Из служебного.

— Северного или дворцового?

— Я не водонос.

— Тогда приведи того, кто носит.

Офицер хотел приказать им идти немедленно, но площадь уже слушала. Отказать в обычной воде на глазах у больных означало признать, что белые метки выдавали людям неизвестно что. Он подозвал молодого солдата и велел привести старшего водоноса с верхнего перехода.

Пока ждали, Илья вернулся к больным.

На печном дворе успели разложить восемь тюфяков. Печь ещё хранила ночное тепло, но Мираль погасила огонь и открыла ворота, чтобы люди не задыхались от жара. По одну сторону лежали трое с рвотой и слабостью, по другую сидели четверо с красными ладонями без других жалоб. Между ними оставили широкий проход. У стены ждали родственники,

которым пока не нашли работы.

Лекарь в жёлтом плаще всё же принёс малую чашу. Она была размером с таз, вырублена из тёмного камня и покрыта светлыми жилками. Двое подмастерьев поставили её на низкий стол. Лекарь налил туда воду и потребовал подвести Дару.

— Её не надо таскать ради камня, — сказал Илья.

— Чаша должна слышать сердце.

— Тогда принеси чашу к ней.

Подмастерья переглянулись. Видимо, с древним предметом так не обращались. Илья помог им переставить стол к тюфяку. По дороге вода плеснула через край, и светлые жилки на миг порозовели.

— Видел? — торжествующе спросил лекарь.

— Видел, что ты наклонил чашу.

Дара опустила пальцы в воду. Жилки вспыхнули неровным красным светом. Тонкая синяя полоса несколько раз прервалась, потом возникла снова.

Лекарь выпрямился.

— Красная горячка. Дыхание уже затронуто.

Илья присел рядом.

— Дара, дышать тяжелее, чем час назад?

— Нет. Горло дерёт после рвоты.

— Грудь болит?

— Нет.

Он посчитал вдохи. Часто, но ровно. Пульс был быстрым,

кожа прохладной, губы не синели. Дара боялась, устала и теряла воду — этого хватало, чтобы сердце билось быстрее.

— Пусть уберёт руку, — попросил Илья.

Красные линии побледнели не сразу. Они ещё несколько мгновений ползли по камню, повторяя прежний ритм.

— Теперь Пин.

Мальчик сел рядом с чашей. Пальцы у него оставались красными, но после рвоты он уже успел выпить несколько глотков дождевой воды и спорил с бабкой, требуя ещё. Когда он коснулся чаши, красные жилки засветились слабее, синяя линия шла чаще, без разрывов.

— Тоже горячка, — сказал лекарь.

— А теперь Севр.

Стражник отшатнулся.

— Я здоров.

— Тем лучше. Чаше нужен человек без жалоб для сравнения.

Севр посмотрел на офицера, но тот был занят у выхода. Тогда стражник сунул пальцы в воду. По камню побежали зелёные и красные отсветы. Красных оказалось не меньше, чем у Пина.

Собравшиеся заговорили.

Лекарь выдернул руку Севра из чаши.

— Он держал цепь осуждённого. Соприкасался.

— И пил откуда? — спросил Илья.

— Из бурдюка караула, — ответил Севр. — Его наполня-

ют на верхнем дворе.

— Есть жалобы?

— Только на тебя.

Люди засмеялись — коротко и нервно. Илья дождался тишины.

— Чаша показывает различия в теле. Может быть, пульс, жар, дыхание, то, что осталось на коже. Но ты назвал одну и ту же красную линию болезнью у женщины, мальчика и здорового стражника. Почему?

Лекарь вытер край чаши.

— Потому что во время прежней горячки камень был красным.

— А во время страха? После бега? После дыма? После воды из караульного бурдюка?

— Ты хочешь отменить всё, чему нас учили?

— Нет. Хочу узнать, что именно умеет чаша. Молоток полезен, пока им не слушают сердце.

Ирта подошла ближе и посмотрела на воду в чаше.

— Ты её менял после Дары?

Лекарь замер.

— Вода очищена камнем.

— Это не ответ.

— Не менял, — признался один из подмастерьев.

Илья провёл чистой тряпкой по краю чаши. На ткани остался слабый рыжий след.

— Откуда наливали?

Подмастерье указал на ведро у стены.

— Из старой цистерны. Всегда оттуда берём. Она ближе.

Илья почувствовал холод, хотя двор был тёплым.

Лекарь опускал руки всех осматриваемых в одну воду, на-
бранную там, где люди заболели, и красный свет прини-
мал за знак заразы. Возможно, камень действительно заме-
чал примесь. Возможно, реагировал на кожу. Пока нельзя
было сказать. Но прежние осмотры не отделяли человека от
воды.

— Вылей это в отдельный сосуд, — сказал Илья. — Не в
сток. Чашу промыть дождевой водой трижды. Первую воду
сохранить, вторую и третью подписать. Потом проверим Да-
рыны пальцы без воды из цистерны.

— Ты не распоряжаешься моей чашей.

— Тогда продолжай получать один ответ от одного ведра
и называй это судьбой города.

Офицер с рубцом вернулся, ведя сухого старика с коро-
мыслом. С ним пришли двое солдат и водоносная девочка
лет шестнадцати. Увидев чашу, красную воду и людей во-
круг, офицер сразу понял, что произошло что-то неудобное.

— Что вы устроили?

— Проверку, — ответил Илья. — Ваш свободный лекарь
осматривал людей в воде из подозрительной цистерны.

— Подозрительной по твоим словам.

— Поэтому мы и сравниваем.

Старший водонос называл себя Остром. Он подтвердил,

что для столов верхнего перехода воду берут из Белой пасти. Но отвод меняли каждый день: когда дворцовый желоб требовался кухням, открывали северный.

— Сегодня какой? — спросила Ирта.

Остр посмотрел на девочку.

— Северный, — ответила она. — Я утром сама поднимала заслонку. Вода шла с красной крошкой, мы спустили первые три бочки.

— Куда?

— В уличный сток.

— А потом стала чистой?

— На вид.

Илья попросил её описать запах.

Девочка пожала плечами.

— Как ключи после дождя.

Ирта закрыла глаза на одно короткое мгновение.

— Вода пахнет монетой, — сказала Мираль из-за их спин.

— У старой цистерны так же.

Офицер бросил на неё злой взгляд.

— В нижнем городе вся вода проходит по старому железу.

— В Керне нет железных водоводов, — сказала Ирта. — Камень, медные скобы и свинцовые затворы. Такого запаха быть не должно.

— Значит, монеты бросают.

— В закрытый служебный отвод?

Он оборвал спор приказом принести воду со стола. Девоч-

ка побежала наверх вместе с солдатом. Остр остался и вдруг спросил у Ильи:

— А красная крошка могла осесть в наших бочках?

— Могла. Бочки чем-нибудь обрабатывают?

— Смолой. Иногда складской солью, чтобы внутри не цвело.

— Какой солью?

— Красной. Военный двор выдаёт.

Ирта и Мираль заговорили одновременно, но Илья поднял руку.

— Не смешиваем пока две вещи. Нам нужна вода прямо из отвода и из бочки. Если в отводе чисто, а в бочке остаётся след, смотрим бочку. Если след в обоих — идём выше.

— Ты собираешься разобрать весь город по кувшинам?
— спросил офицер.

— Если альтернатива — залить двенадцать тысяч человек, да.

Водоносная девочка вернулась запыхавшись. Солдат нёс полное ведро и пытался держать его подальше от одежды. Даже с двух шагов Илья ощутил знакомый металлический запах.

Он не позволил наливать пробу сразу. Сначала осмотрел ведро: деревянное, стянуто медными обручами, внутри светлый налёт. Попросил чистый ковш, сполоснул его дождевой водой, велел девочке зачерпнуть. На поверхности плавали несколько красных крупинок, едва заметных в тени.

— С какого именно стола?

— С северного, где выдают белые метки.

— Когда наполнили бочку?

— После второго звона.

— Кто видел?

Остр назвал троих водоносов и писца. Внучка Мираль всё записала. Третью пробу запечатали. Остаток воды не вылили: Илья попросил поставить ведро отдельно и не давать людям, пока не выяснят причину.

— На переходе этой водой поят очередь, — сказала девочка.

Офицер выругался и послал солдата наверх.

Это было первое его действие, направленное не против Ильи.

Илья выстроил три кувшина на каменной скамье. Слева — старая цистерна, посередине — дождевой бак, справа — вода со среднего яруса. Все сосуды сделала одна мастерская, все были новыми, без глазури. Крышки не открывали после запечатывания.

— Теперь чаша, — сказал лекарь в жёлтом плаще, словно пытался вернуть себе власть над происходящим.

— Сначала то, что можно увидеть без неё.

Они перевернули три одинаковые белые миски и на доньшки положили полосы чистого полотна. При свидетелях открыли кувшины. Девочка проверяла линии на глине и объявляла, целы ли они. Из каждого сосуда Илья налил одина-

ковое количество воды на свою полосу.

Ждать оказалось труднее, чем спорить. Люди теснились у скамьи. Кто-то шептал молитву. Пин пытался встать с тюфяка, чтобы увидеть, и Мираль пригрозила привязать его к носилкам хлебным полотенцем.

Через несколько минут первая полоса порыжела по краям. Третья приобрела более слабый, но похожий оттенок. Средняя осталась белой, только намокла.

— Краситель, — сказал офицер. — Гончарка могла натереть миски.

Мираль молча взяла ещё три миски с полки. Офицер сам выбрал их. Полотно отрезали от рубахи Севра, вызвав у того возмущение. Опыт повторили, а порядок кувшинов поменяли так, чтобы зрители не знали, где какой. Илья отвернулся, пока Ирта переставляла сосуды, и попросил внучку записать расположение отдельно.

На этот раз рыжий след появился справа и посередине. После того как девочка открыла запись, выяснилось: справа стояла старая цистерна, посередине — северный стол, слева — дождевой бак.

Это ещё не доказывало, что именно вызывало рвоту и красноту. Но различие повторилось.

— Теперь чаша, — согласился Илья.

Её промыли дождевой водой. Ирта проверила слив: жидкость уходила через тонкую щель в основании, а светлые жилки становились почти бесцветными. Затем в чашу нали-

ли дождевую пробу. Камень отозвался ровным бледно-зелёным свечением. Никто к нему не прикасался.

Воду собрали обратно в отдельную миску, чашу снова промыли. Налили пробу со среднего яруса. По краю проступили красные точки, затем соединились в две дрожащие линии.

Люди ахнули.

Последней проверили старую цистерну. Красный свет разлился по половине чаши, хотя руки в неё никто не опускал.

Лекарь в жёлтом плаще сел на край тюфяка. Его лицо стало серым.

— Камень слышал воду, — сказал Севр.

— В этот раз — да, — ответил Илья. — Но мы ещё не знаем, что именно в ней слышит.

— Какая разница? — закричала женщина у стены. — Закройте цистерну!

— Закроем для питья, — сказала Ирта. — Не ломаем и не засыпаем. От неё зависит пожарный ход и нижний затвор.

— А воду где брать?

Этот вопрос подхватили сразу десятки голосов. Дождевого бака не хватило бы даже одному двору. Если просто объявить северную воду опасной, люди либо полезут к верхним источникам и столкнутся с солдатами, либо начнут прятать старые запасы.

Илья попросил внучку Мираль перевернуть дощечку и

писать новый список.

— Сколько чистых баков в нижнем городе?

Ирта назвала четыре дождевых, два родника у западной стены и малый дворцовый отвод, который шёл отдельно от северного канала.

— Дворцовый нам не дадут, — сказал офицер.

— Тогда поставь имя под отказом, — предложила Мираль.

Он устался на неё, но спорить не стал.

Остр подсчитал бочки у водоносов. Пекари предложили телеги. Мираль велела ученикам обжечь старые кувшины кипятком и не брать сосуды с красной глазурью, чтобы не путать след. Ирта распределила пути: чистую воду спускать по западным лестницам, больных не вести навстречу бочкам, у каждого источника оставить человека с дощечкой.

Илья добавил простое правило: в первую очередь поить тех, кто уже терял воду из-за рвоты, детей, стариков и тех, кто не мог дойти сам. Давать понемногу и часто. Не вливать силой в человека без сознания. Не обещать, что чистая вода мгновенно исправит уже нанесённый вред.

— А чем лечить? — спросила Дара.

— Пока поддерживать вас и не давать новой подозрительной воды. Я не знаю, чем связать примесь, пока не знаю, что это. Если кто-то предложит чудесный порошок для всех — сначала пусть покажет, что в нём.

— Военный двор уже раздаёт красный порошок, — тихо

сказал Остр. — Велят сыпать в бочки от горячки.

Ирта медленно повернулась к нему.

— Ту самую складскую соль?

— Не знаю. Мешки без названия. Знак меча и колоса.

Офицер с рубцом побледнел раньше, чем успел рассердиться.

— Это очищающее средство. Им пользовались в осаду.

— Кто приказал сыпать? — спросил Илья.

— Военный аптекарь.

— Сколько?

— Мерку на бочку.

— Вчера сыпали?

Остр кивнул.

— И позавчера. В верхние бочки меньше, в нижние больше. Сказали, у нас вода хуже.

По двору прокатился гул. Теперь толпе было достаточно одного слова, чтобы назначить виновного. Кто-то крикнул, что надо разгромить военный склад. Другой потребовал схватить офицера. Пекари подняли жерди уже не как носилки.

Илья встал между ними и солдатами, насколько позволяла цепь.

— Стойте! Мы не знаем, тот ли это порошок и связан ли он с болезнью. Если разорвёте мешки и растопчете склад, останемся без пробы. Если убьёте водоноса или солдата, вода не станет чистой.

— Они травили нас! — выкрикнул мужчина с красными пальцами.

— Возможно. А возможно, средство хранили неправильно, перепутали меру или примесь идёт из старых кладовых в сам канал. Нам нужны мешок, приказ и вода до добавления порошка.

— Пока ты проверяешь, нас утопят.

— Поэтому проверяем быстро. Но не меняем одну удобную ложь на другую.

Он сказал это громче, чем хотел. Ирта смотрела на него так же пристально, как у каменного стола перед казнью.

— Теван тоже сначала был уверен, — продолжил Илья. — Он назвал причиной дыхание больных и велел закрыть дверь. Девятнадцать человек заплатили за его уверенность. Я не стану повторять это с водой.

Упоминание закрытого дома охладило толпу. Не простило — Илья и не ждал прощения, — но вернуло людям память о цене поспешного решения.

Офицер приказал своим людям убрать копья.

— Я доставлю вас к Радену сейчас. Кувшины возьмём. Остр пойдёт свидетелем.

— И Мираль, — сказал Илья.

— Нет.

— Тогда внучка с дощечками.

— Тем более нет.

Ирта сняла с пояса короткую связку и отделила от неё

плоский медный ключ.

— Мираль останется за меня на печном дворе. Ключ от дождевого затвора будет у неё. Если мы не вернёмся до вечернего колокола, откроешь западный сбор и перекроешь северную цистерну для питья. Не для стока.

Гончарка приняла ключ.

— А твой главный?

— Со мной.

— Раден отберёт.

— Пусть попробует при свидетелях.

Офицер сделал вид, что не слышал.

Прежде чем уйти, Илья ещё раз осмотрел Дару. После дробного питья её пульс оставался частым, но она уже могла сидеть без головокружения. Краснота не поднялась выше запястий. Пин заснул, положив ладони под щёку. У третьего больного, старика с Рыбной лестницы, появилась сильная слабость, и Илья велел не заставлять его идти на осмотр к переходу. Белая дощечка не стоила подъёма, который мог его убить.

Лекарь в жёлтом плаще догнал Илью у ворот.

— Если чаша слышала воду раньше, значит, Теван мог понять.

— Мог.

— Почему не понял?

— Потому что увидел знакомый цвет и решил, что уже знает ответ.

— А ты откуда знаешь, как с ней обращаться?

Илья посмотрел на тёмный камень, по которому ещё ползла тонкая красная жилка. На мгновение в памяти вспыхнул монитор в салоне скорой: зелёная линия, писк, пальцы Лены на ремне кислородной маски. Прибор тоже не спасал сам. Он показывал число, а человек решал, что делать. Иногда правильно, иногда нет.

— Я знаю другой камень, — сказал он. — Он тоже умеет говорить правду так, что её легко понять неправильно.

На площади солдаты построились вокруг четырёх кувшинов: трёх исходных и воды из чаши. Внучка Мираль переписала отметки на отдельную дощечку и заставила офицера приложить к глине его перстень. Он сопротивлялся, пока Ирта не спросила, чего боится человек, уверенный в чистоте верхней воды.

Перстень оставил знак меча.

Они двинулись к лестнице. Впереди шёл офицер, за ним два солдата несли кувшины в корзинах, потом Остр и Ирта. Илья с Севром замыкали середину колонны. Цепь больше не волочилась, но каждый её звон напоминал: доказательства нёс осуждённый, которому город не обязан верить.

У верхнего перехода очередь растянулась на несколько улиц. Военные лекари осматривали ладони, окунали их в чаши и выдавали дощечки. Белая позволяла подняться на средний ярус, красная отправляла обратно вниз. Чёрную Илья увидел у мужчины, которого двое солдат держали за плечи.

Тот кричал, что его жена осталась в доме и он не уйдёт без неё.

На столе стояла бочка из северного отвода. Рядом лежал раскрытый мешок с красным порошком.

Военный аптекарь зачерпнул мерку и высыпал её в воду.

На поверхности вспухла рыжая пена — такая же, как в щели у старой цистерны.

Ирта остановилась. Остр за её плечом выдохнул ругательство.

Офицер с рубцом быстро шагнул вперёд, но было поздно. Илья, Мираль, водоносы и половина очереди уже видели.

Аптекарь размешал порошок длинной лопаткой и поднял глаза.

— Почему остановились? — спросил он. — Полководец ждёт лекаря.

Илья почувствовал металлический запах даже сквозь пот, дым и человеческое дыхание.

Теперь у них был не ответ.

У них было место, где вопрос пытались растворить в питьевой воде.

Глава 5. Чаша слышит сердце

— Не размешивай, — сказал Илья.

Аптекарь продолжил вращать лопатку. Рыжая пена уходила к краям бочки, оставляя на дереве тонкое кольцо.

— Здесь не лечебный двор осуждённого, — ответил он.
— Вода должна отстояться перед раздачей.

Илья шагнул к столу, но Севр натянул цепь. Не чтобы остановить — чтобы не дать двум солдатам схватить его раньше времени.

Ирта обошла бочку с другой стороны.

— Кто приказал добавлять порошок?

— Военный двор.

— Имя.

Аптекарь положил лопатку поперёк горловины.

— Лекарь Хард. И вы сейчас мешаете исполнению приказа полководца.

Офицер с рубцом приблизился к нему и заговорил вполголоса. Илья не расслышал слов, но увидел, как Хард сначала нахмурился, потом посмотрел на корзины с опечатанными кувшинами. В очереди люди перестали двигаться. Белые дощечки больше не казались пропуском к спасению: их выдавали рядом с бочкой, в которую на глазах у всех насыпали неизвестное средство.

— Покажи мешок, — потребовал Илья.

— Тебе?

— Водоносу Остру. Он узнает знак и меру. Ирте — она отвечает за воду. И твоему офицеру, чтобы потом никто не сказал, будто мешка не было.

Хард прижал ладонь к раскрытой горловине мешка.

— Это очищающая соль. Ею спасли Керн во время осады.

— Тогда незачем её прятать.

Слова подхватила очередь. Люди требовали показать порошок, перестать раздавать воду, позвать Радена. Несколько человек опрокинули кружки. Поток мог превратиться в драку от одного неосторожного движения.

Офицер с рубцом понял это раньше аптекаря.

— Закрой мешок. Бочку опечатать до проверки.

— Ты не можешь отменить приказ Харда.

— Я капитан Дейр. На переходе отвечаю я.

Имя офицера внучка Мираль успела бы записать. Здесь девочки не было, но Остр громко повторил:

— Капитан Дейр приказал опечатать бочку.

Так решение стало публичным.

Хард отступил. Дейр сам стянул горловину мешка шнуром и прижал перстень к комку мягкого воска. Потом велел принести четвёртый чистый кувшин. Илья настоял, чтобы пробу взяли из бочки после порошка, а пятую — из водовода до добавления. Водоносная девочка провела их к каменному желобу за столами.

Вода падала из пасти белого зверя в узкий сборник. На

каменных зубах лежали красные крупинки.

— Утром их было больше, — сказала девочка. — Я спустила три бочки, пока вода не посветлела.

Ирта подставила под струю кусок белой ткани. Через минуту на нём проступили редкие рыжие точки.

— Значит, порошок не единственный источник, — сказал Илья. — Он уже есть выше стола или что-то похожее идёт по каналу.

Хард усмехнулся.

— Сам признал. Соль добавляют, чтобы победить грязь, которая приходит снизу.

— Вода идёт сверху вниз, — сказала Ирта. — Северный отвод приходит от площади Победы. Нижняя цистерна не умеет плевать против уклона.

— В осаду изменники проникли в старые ходы.

— Сорок лет назад? И всё это время подсыпают?

Капитан Дейр оборвал спор. Полководец ждал. Он приказал Харду идти вместе с ними и отвечать за мешок.

Илья посмотрел на очередь. Остановить раздачу одной бочки было мало. Люди стояли часами, многие слабели, дети просили пить.

— Дайте им воду из дворцового отвода.

— Она для верхнего двора, — сказал Хард.

— Тогда пусть верхний двор сегодня пьёт северную.

Хард промолчал. Ответ получился яснее признания.

Дейр отправил двух солдат открыть дворцовый желоб.

Это не делало его союзником. Он просто не хотел отвечать за беспорядок на своём переходе. Илье этого хватало.

К Радену вели через лечебный двор среднего яруса. Здесь каменные дома стояли шире, водостоки были закрыты решётками, а лестницы не служили одновременно улицей, кухней и рынком. Люди расступались перед солдатами и всматривались в лицо Тевана. Кто-то плевал вслед. Кто-то замечал кувшины и спрашивал, что случилось с водой.

Дейр запрещал отвечать, но слух шёл быстрее колонны.

Перед зданием военного двора Ирта остановилась.

— Раден не здесь.

— Он в лечебном зале, — ответил капитан.

— Зачем?

— Хочет увидеть подтверждение горячки своими глазами.

Древний зал лежал под казармой. Спуск охраняли четверо солдат. За бронзовой дверью воздух был прохладным и влажным. Стены не складывали из блоков — их будто вырезали внутри цельной серой породы. По полу шли канавки, сходявшиеся к круглой чаше в центре.

Чаша была больше той, что принесли на печной двор. В ней мог бы лечь взрослый человек. Светлые жилки разбежались по полу и поднимались на стены. Возле края стояли трое военных лекарей. За ними, положив ладонь на рукоять меча, ждал Раден Кар.

Полководец оказался ниже, чем представлял Илья по го-

лосу глашатаев. Широкие плечи, седина у висков, старый ожог от уха к вороту. Он не носил парадной брони, только серый стёганный кафтан и красный пояс. Опаснее всего было спокойствие, с которым он смотрел на людей как на уже подсчитанные припасы.

— Теван, — сказал Раден. — Второй раз за год ты приносишь мне обвинение против воды.

— Первый раз он принёс вывод без достаточной проверки, — ответил Илья. — Сейчас мы принесли пробы.

— Ты говоришь о себе как о другом человеке.

— Потому что после каменного сердца я помню себя иначе.

Ирта бросила на него быстрый взгляд. До сих пор перед чужими они не обсуждали это прямо.

Раден не удивился.

— Осуждённые часто находят внутри невиновного жильца.

— Я не говорил, что тело невиновно.

— Хорошо. Значит, не будем тратить время на безумие. Показывай воду.

Кувшины поставили на пол. Остр назвал происхождение каждой пробы и свидетелей. Дейр подтвердил целостность печатей. Когда дошли до мешка, Хард объяснил, что красная соль очищает воду от гнили и горячки. Раден слушал, не перебивая.

— Кто установил меру? — спросил Илья.

— Предписания осадного времени, — ответил Хард.

— Где они?

— В архиве военного двора.

— Почему нижним бочкам дают больше?

— Там больше болезни.

— Или больше порошка — и потому больше признаков.

Раден поднял руку.

— Чаша решит.

— Чаша покажет различие, — сказал Илья. — Решать будем мы.

Один из военных врачей усмехнулся. Раден позволил Илье продолжить — вероятно, хотел, чтобы осуждённый опозорился перед камнем.

Чашу промыли водой дворцового отвода. Илья потребовал собрать промывную воду и показать пустую чашу: жилки оставались бледными. Затем по очереди налили дождевую пробу, воду из северного отвода до порошка и воду из бочки после него.

Дождевой воде ответило ровное зелёное свечение. Северной — красные точки. После порошка красные жилки вспыхнули так ярко, что отсвет лёг на лица.

В зале стало тихо.

— Очищающая сила, — сказал Хард. — Камень узнаёт средство.

— Тогда почему тот же цвет у больных считается болезнью? — спросил Илья.

Хард открыл рот и закрыл.

Илья попросил Остра опустить руку в чистую дождевую воду. Камень отозвался зелёными и синими волнами. Каждая синяя вспышка совпадала с вдохом. Красная — с ударом пульса у запястья.

— Быстрее подыши.

Остр сделал несколько частых вдохов. Синие линии побежали чаще.

— Задержи дыхание, но недолго.

Синий свет прервался. Красный ритм ускорился.

— Камень слышит тело, — прошептал Дейр.

— Некоторые его изменения, — уточнил Илья. — Не мысли и не вину.

Он попросил Остра убрать руку, затем добавил в воду ложку северной пробы. Между ровными красными ударами проступила россыпь неподвижных красных точек.

— Вот ритм человека. А вот то, что не зависит от его сердца.

Ирта подошла к чаше.

— Проверим меня.

Она погрузила правую руку. Красные вспышки шли медленно и сильно, синие оставались ровными. Возле пальцев появились две золотистые линии.

— Это что? — спросил Раден.

— Не знаю, — ответил Илья.

— Удобно.

— Возможно, мозоли, металл ключа, старая травма. Если назвать первый цвет болезнью, мы снова обманемся.

Ирта сняла ключ, вымыла руку и повторила. Золотые линии остались. Тогда она опустила левую ладонь. Золота почти не было.

— Старый ожог, — сказала она. — Правую обварило паром у затвора.

Камень различал что-то в повреждённой ткани, но не говорил словами «ожог». Значение появилось лишь потому, что Ирта знала свою руку.

Раден нахмурился.

— Теван пользовался чашами много лет. Почему он не показал это прежде?

— Потому что искал подтверждение тому, что уже решил, — ответил Илья. — Ваши лекари делают то же самое.

— А ты свободен от ошибок?

— Нет. Поэтому нужны одинаковые пробы, свидетели и повторение.

Раден обошёл чашу. Его сапоги пересекали светлые жилки, и те вспыхивали под подошвами от тепла или давления.

— Допустим, северная вода отличается. Это не доказывает, что горячки нет. И не отменяет затопления. Поток очистит каналы.

— Вместе с домами.

— Жителей поднимут после осмотра.

— Осмотр чашей, в которую льют подозрительную воду?

Семьи запирают целиком из-за одного больного. На переходе человеку с чёрной меткой не дали вернуться за женой.

— При бедствии нельзя исполнять каждое частное желание.

— Дышать — не частное желание.

Полководец посмотрел на него без гнева.

— Я держал стену, когда в Керне ели кожаные ремни. Я видел, как из-за одной открытой калитки сгорела улица. Город живёт потому, что кто-то вовремя решает, какую дверь закрыть.

— А потом победитель пишет, что за дверью были изменники.

Ирта резко вдохнула. Дейр положил ладонь на меч. Раден всё ещё не повысил голоса.

— Осторожнее, лекарь.

— Вода идёт от площади Победы мимо военных кладовых. В неё добавляют средство по предписанию осады, которого никто здесь не показал. Прежнюю горячку тоже объявили делом изменников. Это не доказательство, но достаточная причина не топить людей завтра.

— Завтра? — переспросил Раден. — Ты всё ещё считаешь на завтра.

Он кивнул Дейру. Капитан развернул принесённый приказ.

— Болезнь обнаружена у двух солдат северной казармы, — сказал полководец. — Оба были в нижнем городе. Срок

сокращён. Шлюзы откроют после ночного колокола.

До него оставалось меньше суток.

— Что они пили? — спросил Илья.

— Ты видишь болезнь и всё равно цепляешься за воду.

— Из какой бочки пили солдаты?

Деёр посмотрел на Харда. Аптекарь отвёл глаза.

— Из северной, — ответил капитан.

— Тогда они подтверждают не заразность, а общий источник.

Раден велел привести больных солдат. Пока ждали, Илья подошёл к чаше. Свет в ней угасал. Где-то под красными и зелёными линиями дрожал ещё один ритм — слишком ровный для сердца, знакомый до боли.

Три коротких сигнала. Пауза. Два длинных.

Так пищал неисправный датчик в машине их бригады, если отходил провод питания.

Илья наклонился ниже.

— Что ты слышишь? — спросила Ирта.

— Сирену.

— Здесь тихо.

Он коснулся края обожжённым запястьем.

Зал исчез.

На долю секунды перед ним вспыхнул белый потолок салона скорой. Красный свет пробежал по шкафчикам. Лена сидела на полу, прижав к лицу кислородную маску, и тянулась к выключателю рации. За разбитым окном лежала пе-

ревёрнутая машина. Кто-то стучал снаружи.

— Илья! — крикнула она.

Он рванулся на голос и ударился коленом о камень.

Ирта удержала его за плечо. Чаша выбросила по жилкам ослепительно-белую волну. Она ушла в стены и вернулась низким гулом.

Все в зале отступили, кроме Радена.

На дне чаши проступил рисунок: пять линий водосбросов сходились к тёмному кругу. Одна линия тянулась не к шлюзам, а вверх, в пустоту, и мигала ритмом земной сирены.

Потом свет погас.

Илья остался на коленях, хватая воздух. Ожог на запястье горел. Под пальцами Ирты звякнул осколок каменного сердца, спрятанный у неё в кармане.

Раден услышал звон.

— Что у тебя? — спросил он.

Ирта не убрала руки с плеча Ильи.

— Ключ от нижнего затвора.

— Ключи так не звучат.

Снаружи слышались шаги больных солдат.

Илья поднялся. Перед глазами ещё стояло лицо Лены. Она была жива — или камень показывал сохранённый миг, или чужую надежду, или путь домой. Проверить это сейчас было невозможно.

Зато он понял другое: чаша слышала не только сердце человека. Она слышала воду, старые ожоги, дыхание, камен-

ный осколок и ритм мира, которого здесь не должно было быть. Каждый сигнал требовал сравнения. Каждый мог стать ложью в руках того, кто заранее выбрал ответ.

Дверь открылась. В зал ввели двух бледных солдат с красными ладонями.

Илья посмотрел на их фляги.

— Поставьте их рядом с чашей, — сказал он. — И принесите воду, которую они пили. Отдельно.

Раден медленно кивнул.

— До ночного колокола, Теван. Докажешь иной источник — я выслушаю. Не докажешь — сам увидишь, как вода очистит город.

Это не была отсрочка. Это был отсчёт.

Глава 6. Сорок восемь часов

Первого солдата звали Кавен. Он вошёл сам, упрямо не позволяя товарищу поддержать себя, но у чаши колени погнулись. Дейр успел подставить плечо. Второй, совсем молодой Лот, держал обе руки перед грудью, будто боялся задеть ими одежду. Ладони у него были красными до запястий, под ногтями темнели узкие полосы.

— Не касайтесь чаши, — сказал Илья.

Военный лекарь уже тянул Кавена за руку к воде. Он замер.

— Ты сам требовал осмотра.

— Сначала расспрос. Потом осмотр. Потом чистая вода и сравнение. Если сунем их в ту же чашу, получим всё сразу и опять ничего не поймём.

Раден стоял у дальней стены. Его неподвижность давила сильнее окрика. За бронзовой дверью менялась стража, лязгали пряжки, кто-то повторял приказ о ночном колоколе. Илья слышал каждое слово. Срок уже жил отдельно от них: солдаты уносили его на лестницы, писцы переписывали, зрители готовили затворы.

Он посадил Кавена на низкую скамью и присел перед ним.

— Когда началось?

— Ночью знобило. Утром вырвало.

— Живот болит?

— Крутит.

— Горло, грудь?

Кавен сглотнул.

— Во рту будто медную пластину держал. Дышать могу.

Илья посмотрел на глаза, попросил показать язык, надавил на ноготь и сосчитал, как быстро возвращается цвет. Кожа была сухой, пульс частым, но ровным. Жара почти не было. Краснота на ладонях сильнее проступала в складках, куда попадала вода.

— Что ел вчера?

— Кашу, сушёное мясо. Как все.

— Пил?

— Из казарменной бочки.

— Мыл руки где?

— Там же. После караула.

— В нижний город ходил?

— Три дня назад сопровождал сборщика. Ни к больным, ни в дома не заходил.

Лот оказался разговорчивее, пока его не перебивали старшие. Он стоял в карауле у северного водовода, ел с другим десятком из общего котла, но только он и Кавен набирали воду во фляги после полудня. Утром Лот чистил ею пряжки и заметил, что латунь покрылась рыжим налётом. Он показал ремень. В углублении возле застёжки действительно засохла красноватая кайма.

— Остальные из десятка здоровы? — спросил Илья.

Дейр ответил не сразу:

— Пока да.

— Они были с этими двумя в нижнем городе?

— Шестеро были.

— Значит, один только поход ничего не объясняет.

Хард шагнул вперёд.

— Болезнь выбирает слабых. Так было в осаду.

— Удобная болезнь, — сказала Ирта. — Всегда выбирает тех, кого уже назначили виноватыми.

Раден посмотрел на неё, и Илья понял, что второй раз полководец не пропустит звона в кармане. Ирта тоже поняла. Она держала правую руку у пояса, будто там и правда висел обычный ключ.

Принесли две фляги и кувшин из северной казарменной бочки. Печати не было. Кавен узнал свою флягу по вмятине, Лот — по синей обмотке. Илья велел поставить всё в разных углах и послать за водой из дворцового отвода. Хард возразил, что каждый новый человек увеличивает риск подмены.

— Поэтому пойдёт капитан Дейр и возьмёт двух свидетелей, которых выберете вы, — ответил Илья. — А Ирта останется здесь. Если мы оба захотим обмануть, нам придётся сделать это на глазах друг у друга.

Дейр коротко кивнул. Раден отпустил его.

Пока ждали, Илья осмотрел Лота. Те же сухие губы, тошнота, учащённый пульс, красные складки ладоней. Но у молодого солдата ещё подёргивались мышцы предплечья. Илья

не знал, что именно делал местный консервант с телом. Он знал другое: обоим сейчас требовалась чистая вода малыми порциями, покой и наблюдение, а не ярлык, после которого можно запереть казарму.

— Они останутся в отдельной комнате, — сказал он. — Не потому, что я доказал заразу. Пока причина не ясна, разумно не смешивать больных со всеми. Но дверь не заколачивать. Дежурный снаружи, вода из проверенного отвода, запись того, сколько выпили, сколько раз была рвота, как дышат и могут ли идти.

Военный лекарь хмыкнул.

— Ты хочешь, чтобы солдат нянчил двух взрослых мужчин?

— Я хочу, чтобы двое взрослых мужчин не умерли от потери воды, пока вы спорите о названии болезни.

Кавен поднял голову.

— Если нас запрут, кто откроет?

Илья не успел ответить. За него сказал Дейр, вернувшийся с кувшином:

— Я.

Он поставил чистую воду у чаши. С ним пришли двое: писец военного двора и пожилой служитель лечебного зала. Каждый подтвердил, откуда набрали воду. Илья заставил всех повторить порядок вслух. Сначала промыли чашу. Потом налили дворцовую воду и опустили в неё чистую белую ткань. Каменные жилки дали ровное зелёное свечение.

Ткань осталась белой.

После новой промывки взяли воду из фляги Кавена. По дну рассыпались неподвижные красные точки. На ткани через несколько минут проступила охристая полоса. Во фляге Лота было то же самое, в казарменном кувшине — слабее.

— Они могли налить воду внизу, — сказал Хард.

Лот побледнел сильнее.

— Не наливал.

— Твоё слово против государственной необходимости.

— Его слово здесь не одно, — сказал Дейр. — Я видел, как Кавен наполнял флягу во дворе казармы. Тогда он был в карауле и не покидал стен.

Хард обернулся к Радену.

— Капитан защищает своих людей.

— Именно поэтому его свидетельство не завершает проверку, — ответил Илья. — Нужны здоровые солдаты из той же казармы. Те, кто пил из северной бочки, и те, кто пил из другой. Не выбирайте их сами. Пусть писец возьмёт список караула и вызовет каждого третьего.

Раден подошёл к чаше. Красные точки отражались у него в глазах.

— Сколько времени тебе нужно?

— Чтобы осмотреть людей и сравнить воду — несколько часов. Чтобы понять источник выше казармы — пройти водовод. Чтобы безопасно вывести нижний город — больше, чем осталось до ночного колокола.

— Я не спрашивал об эвакуации.

— А я отвечаю о людях, которых собираются утопить.

Полководец провёл пальцем над водой, не касаясь.

— У тебя было двое суток после приговора.

— У Тевана. Мне дали время до полудня, потом объявили затопление к закату, теперь передвинули на ночь. Ваши сорок восемь часов всё время становятся короче, когда появляется неудобный факт.

Слова вырвались жёстче, чем Илья собирался. Дейр напрягся. Ирта едва заметно качнула головой: не отступай, но не отдавай ему повод.

Раден не рассердился.

— Хорошо. До третьего вечернего удара обследуешь казарму и северный водовод. Дейр даст шесть человек. Хард пойдёт с вами. Ирта Вейн останется здесь.

— Нет, — сказал Илья.

Тишина в зале стала плотной.

— Повтори.

— Ирта знает водосбросы, уклон и старые ходы. Без неё я не отличу канал от отстойника. Если вы хотите проверку, а не прогулку под конвоем, она идёт.

— Она скрывает предмет древних.

Вот оно. Раден не забыл ни звука.

Ирта медленно вынула из-за пояса связку. На железном кольце висели три длинных ключа, короткий крюк и плоская медная пластина. Осколок оставался в потайном карма-

не под рубахой.

— Вы слышали это, — сказала она и встряхнула связку.

Железо ударилось о медь. Звук вышел звонким, но не таким чистым, как ответ камня.

Раден протянул руку.

— Дай.

Она положила связку ему на ладонь. Полководец перебрал ключи, ударил ими друг о друга. Потом вернул.

— Если найдут при тебе древний камень, твой нижний ключ перейдёт военному смотрителю.

— Если найдут, — ответила Ирта.

Илья увидел, как Хард следит за её воротом. Аптекарь не поверил. Теперь осколок был не только возможной дорогой домой, но и уликой, за которой станут охотиться.

Раден велел писцу записать условия. До третьего вечернего удара Илья должен был сравнить людей казармы и воду. До ночного колокола — представить иной источник болезни. Если не сможет, восточный и южный затворы откроют. Ирта обязана вернуть нижний ключ после третьего удара, независимо от результата обследования.

— А если результат покажет воду? — спросила она.

— Тогда я выслушаю лекарей.

— Вы уже это говорили.

— И всё ещё слушаю.

Раден повернулся к Дейру:

— Капитан, отвечаешь за возвращение всех троих. При

попытке уйти вниз Тевана взять живым. Смотрительницу — как получится.

Так началась их свобода.

На лестнице Илья спросил у Дейра, сколько осталось до третьего удара.

— Пять песочных чаш. Может, меньше.

— Это сколько?

Капитан показал на узкое окно в стене. Луч солнца лежал поперёк третьей ступени.

— Когда дойдёт до железной скобы, ударят.

Илья машинально искал взглядом часы. На руке Тевана были только ожог и след от кандала. В его прежней жизни сорок восемь часов означали две смены, четыре десятка вызовов, кофе из автомата и сон в одежде. Здесь время измерялось тенью на ступени и водой за затвором. Но тело человека слабело в обоих мирах одинаково быстро.

Кавена и Лота унесли в комнату рядом с залом. Илья добился, чтобы им дали дворцовую воду, а не кипячёную северную. Кипячение могло помочь против живой заразы, но не обязано было убрать примесь. Военный лекарь записал назначения с таким видом, будто уступал преступнику. Илья заставил его повторить вслух: небольшая кружка каждые четверть песочной чаши, после рвоты — снова понемногу, следить за дыханием и сознанием, звать при судорогах или резкой слабости.

У двери Ирта догнала Илью.

— Ты видел живую женщину.

Он не спросил, откуда она поняла.

— Лену. Моего напарника. Машина лежала на боку. Она звала меня.

— Это было сейчас?

— Не знаю. Камень мог сохранить мгновение. Мог показать то, что я хотел увидеть.

— Но ты поверил.

— На одно дыхание.

Ирта кивнула. Не стала утешать и не потребовала забыть прежний мир ради этого. Именно поэтому Илья сказал правду до конца:

— Там была линия, уходившая вверх. Если главное сердце цело, возможно, через него можно вернуться.

— А осколок нужен, чтобы открыть сердце.

— Возможно.

— Слишком много «возможно» для человека, который спорит с чашей.

— Поэтому я и не называю это дорогой.

Они шли рядом, окружённые солдатами. Хард держался впереди. Дейр слышал разговор, но не вмешивался.

Ирта коснулась груди там, где спрятала камень.

— Отдать его тебе?

Перед Ильёй снова вспыхнул белый потолок разбитой скорой. Лена тянулась к рации. Кто стучал снаружи? Водитель? Спасатели? Если прошли минуты, он ещё мог быть ну-

жен. Если прошли месяцы, его тело могли похоронить. Камень не ответил ни на один вопрос, только подкинул надежду, от которой стало трудно дышать.

— Нет. У меня обыщут первым.

— Это не ответ.

— Настоящий ответ: я хочу взять его, вернуться в зал и бить по сердцу, пока оно не откроет ту линию. Поэтому не отдавай.

Ирта посмотрела на него долгим взглядом.

— Теперь похоже на правду.

Северная казарма стояла над лечебным залом. Во дворе пахло мокрой шерстью, лошадьми и металлической стружкой. У колодца выстроили двадцать четыре солдата из двух десятков. Писец уже разделил их по списку. Илья попросил не называть, кто чем пользовался, пока он не осмотрит руки и не задаст одинаковые вопросы.

Хард попытался встать рядом и подсказывать ответы. Дейр отослал его к бочкам.

Работа была скучной, и именно поэтому полезной. Имя. Дежурство. Где набирал воду. Сколько пил. Где мылся. Были ли рвота, боль, слабость, привкус металла. Илья смотрел ладони, рот, глаза, считал пульс. Ирта записывала значками на дощечке писца. Люди сначала шутили, потом увидели, что вопросы повторяются без изменения, и перестали пытаться угадать желательный ответ.

У пятерых нашлась лёгкая краснота в складках ладоней.

Четверо пили из северной бочки. Пятый, повар Сейм, клялся, что пьёт из западного колодца.

Хард оживился:

— Вот. Вода ни при чём.

— Я мою котлы северной, — сказал Сейм. — И кашу ставлю на ней. Западную беру только во флягу.

У двоих без красноты была тошнота. Один накануне объелся жирного мяса, второго мучило после удара по голове на тренировке. Илья не вычеркнул их, но отметил отдельно. Одинаковое слово ещё не делало одинаковой причиной всё, что происходило с животом.

Из восьми солдат, ходивших в нижний город за последние четыре дня, признаки были у двух. Из шестнадцати не ходивших — у трёх. Зато все пятеро пользовались северной водой. Среди тех, кто её не пил и не касался, красных ладоней не было.

— Это ещё мало, — сказал Илья Дейру. — Люди могли забыть. Вода могла попадать в еду. Но поход вниз не объясняет картину. Северная вода объясняет лучше.

— Сколько людей нужно, чтобы ты сказал наверняка?

— Иногда и сотни мало, если задавать им плохие вопросы. Сейчас достаточно, чтобы не топить город как заразный.

Дейр посмотрел на своих солдат. Они слышали.

— Раден скажет, что поток всё равно очистит воду.

— Если источник выше нижнего города, поток смоет его через людей. А если откроют сразу два шлюза, дома станут

ловушками.

Ирта развернула дощечку. Она нарисовала северный водовод и две ветви.

— Казарменная бочка получает воду здесь, до спуска к нижней цистерне. Значит, примесь попадает не ниже этого места.

Хард стоял у стены. Его лицо блестело от пота, хотя двор был прохладным.

— Красная соль хранит воду, — сказал он. — Без неё в казармах начнётся настоящая горячка.

— Покажи предписание, — потребовал Дейр.

— Архив закрыт по приказу полководца.

— Ты ссылался на него в зале.

— Я знаю службу.

— А я знаю, как выглядит приказ. Где мера на одну бочку?

Хард пожал плечами.

— Мера зависит от мутности.

— Кто её определяет?

— Аптекарь.

— То есть ты, — сказал Илья. — Ты добавляешь порошок, сам решаешь сколько, а потом объясняешь красные руки болезнью.

— Я исполняю то, что делали до меня.

В этих словах впервые прозвучал страх.

Илья подошёл к опечатанному мешку. Печать Дейра была цела.

— Откуда он?

— Из военного запаса.

— Какого?

— Северного.

— Под площадью Победы?

Хард молчал.

Ирта провела пальцем по своей схеме.

— Старые кладовые стоят над сборным колодцем. Если мешки отсырели или бочки текут, порошок может идти прямо в канал. А потом вы ещё добавляете его в питьё.

— Кладовые сухие.

— Тогда покажи.

Аптекарь посмотрел на тень. Луч на лестнице уже касался предпоследней ступени.

— Туда нельзя без знака Радена.

Дейр снял с пояса капитанскую пластину.

— Я отвечаю за обследование северного водовода.

— Водовода, не военного запаса.

— Если сток запаса выходит в водовод, я обследую сток.

Хард сделал шаг назад. Двое солдат Дейра встали у него за спиной. Никто не обнажил оружия, но путь к воротам исчез.

К северному колодцу спускались через прачечную. Под деревянным настилом бежал каменный желоб, достаточно широкий, чтобы человек мог идти по краю, пригнув голову. Ирта первой полезла вниз. Дейр дал ей фонарь и приказал двум солдатам оставаться у входа. Остальные двинулись сле-

дом: Ирта, Илья, Хард, капитан и трое стражников.

Воздух быстро стал холодным. Вода шумела справа, чёрная под дрожащим светом. На стенах попадались древние знаки — ладони, чаши, волнистые линии. Ирта не называла их письменами.

— Это метки зрителей, — объяснила она. — Белая риска означает чистый ход, двойная — отстойник. Красную ставят, если вода меняет запах.

Через двадцать шагов появилась первая красная черта. Свежая, поверх старой белой.

— Когда поставили?

— Не знаю. Здесь должен ходить военный смотритель.

— Он докладывал мне о засоре, — сказал Хард. — Не яде.

Вторую черту нашли у боковой трубы. Из неё тонкой струёй стекала вода, оставляя на сером камне бурый веер. Илья поднёс белый лоскут, не касаясь стены. За несколько вдохов ткань окрасилась.

Труба уходила вверх, к площади.

— Сток северного запаса, — сказала Ирта.

— Дождевой отвод, — возразил Хард.

— Дождя не было пять дней.

Деир поднял фонарь. В кладке над трубой темнел знак меча и колоса — тот же, что на мешке.

Капитан долго смотрел на него, словно знак мог перемениться, если не моргать.

— Открыть решётку.

Хард вцепился в железную дверцу.

— Без Радена нельзя.

— Тогда отойди.

— Там старый запас. Если воздух попадёт внутрь, всё испортится.

— Оно уже течёт в воду моим людям.

Дейр отодвинул аптекаря. Ключа у него не было. Ирта перебрала связку и выбрала короткий крюк.

— Это не замок. Пружинная защёлка. Военные поставили дверь на древнюю раму.

Она просунула крюк в щель. Металл скребнул, защёлка подалась. Из-за дверцы пахло сырой кожей и тем самым монетным запахом, который Илья почувствовал у нижней цистерны.

Хард бросился к Ирте.

Дейр перехватил его за ворот.

— Стой.

Аптекарь рванулся, ударил локтем капитана и выхватил из рукава маленький глиняный пузырёк. Илья увидел только, как блеснула красная сургучная пробка. Хард замахнулся, целясь в открытую трубу.

Илья сбил его руку. Пузырёк ударился о край желоба, но не разбился, покатился по мокрому камню. Один из солдат наступил на него сапогом.

— Не дави! — крикнул Илья.

Солдат застыл. Ирта подняла пузырёк двумя кусками ткани. Внутри шуршал порошок.

— Хотел очистить воду? — спросила она.

Хард обмяк в руках Дейра.

— Вы не понимаете. Если склад откроют, люди полезут за зерном. Там осадный запас. Там печати победы.

— Там течь, — сказал капитан.

— Раден знает.

Шум воды будто стал громче.

Дейр медленно повернул аптекаря к себе.

— Что именно знает полководец?

Хард понял, что сказал слишком много.

— Он знает о старых складах. Все знают.

— О течи?

— Я докладывал военному лекарю.

— Какому?

— Прежнему.

— Когда?

— Весной. Может, раньше.

— И получил приказ сыпать больше соли вниз, — сказал Илья.

— Чтобы сохранить воду.

— Той же солью, которая уже попадала в неё со склада?

Хард зажмурился.

За дверцей что-то капнуло. Потом ещё раз. Ирта открыла её шире.

Помещение было не складом целиком, а узким нижним карманом под ним. Потолок подпирали почерневшие балки. Между ними лежали разбухшие мешки со знаком меча и колоса. Один лопнул, красная масса слиплась в тяжёлые комья. Из трещины в стене сочилась вода, промывала нижний ряд и стекала в трубу. Рядом стояли бочки. На некоторых ещё читались даты осадного времени.

Илья не стал заходить. Пол мог провалиться, воздух мог быть вредным, а содержимое — опаснее, чем казалось. Он велел всем отступить к свежему потоку, не касаться мешков и не поднимать пыль.

— Нужно закрыть воду выше течи, — сказал он.

Ирта покачала головой.

— Выше один затвор на казарму и половину среднего яруса. Если закрыть сейчас, люди останутся без воды.

— Перевести на западный ход?

— Можно, если открыть старую перемычку. На это нужно полдня и две бригады. И сперва предупредить нижних: когда поток остановится, из труб пойдёт вся грязь со стен.

— Значит, дать чистую воду из других источников, старую не пить и не использовать для еды. Собрать пробы по ходу. Оградить склад.

Дейр всё ещё смотрел на Харда.

— И доложить Радену.

— Сначала нужны свидетели, — сказала Ирта. — Если вернёмся только мы, дверь снова запечатает, а нас назовут

взломщиками.

Капитан хотел возразить, но увидел знак над трубой.

— Двое моих остаются. Один идёт за писцом и служителем чаши. Никого из военного двора больше не звать.

— И за Остром, — добавил Илья. — Он видел мешки на раздаче и знает, как их возили.

— Времени нет.

— Именно поэтому каждое доказательство должно пережить нас.

Дейр отправил солдата.

Ждали в сыром проходе. Хард сидел у стены со связанными руками. Илья прислушивался к его дыханию: частое, но без хрипов. Он ненавидел аптекаря за попытку уничтожить улику и всё равно не мог перестать смотреть, не станет ли тому плохо. Профессия не спрашивала, достоин ли человек помощи. Она только ставила рядом два факта: вот опасность, вот живой человек.

— Теван тоже нашёл этот сток? — спросил он.

Хард усмехнулся разбитой губой.

— Нашёл красные руки и решил, что понимает мир. Закрыл дом. Потом нашёл сток и решил, что теперь понимает ещё лучше. Такие, как вы, всегда торопятся назвать последнюю догадку истиной.

Илья проглотил первый ответ. В словах Харда было достаточно правды, чтобы ими удобно прикрывать ложь.

— Поэтому я привёл свидетелей и сравнил воду. Поэто-

му не говорю, что знаю состав порошка. Но я знаю: топить нижние улицы из-за заразы нельзя.

— Думаешь, дело в заразе?

Ирта подняла фонарь.

— А в чём?

Хард отвернулся.

Сверху донёсся глухой удар колокола. Первый. Потом второй. Третий.

Тень добралась до железной скобы.

Срок Радена истёк, пока они стояли у доказательства.

Почти сразу из прохода послышались шаги. Илья ожидал писца, но первым показался лейтенант в красном перевязе. За ним шли восемь солдат.

— По приказу полководца осмотр окончен, — объявил он. — Капитан Дейр сдаёт командование. Смотрительница Вейн отдаёт ключ. Осуждённый лекарь возвращается в лечебный зал.

Дейр встал между ним и открытой дверцей.

— Здесь течь из военного запаса в северный водовод. Аптекарь пытался уничтожить пробу. До записи свидетелей никто ничего не трогает.

Лейтенант даже не заглянул внутрь.

— Мне велено запечатать проход.

— Ты слышал, что я сказал?

— Слышал, бывший капитан.

Это слово ударило точнее меча. Люди Дейра перегляну-

лись.

Илья понял: Раден не ждал результата. Он заранее приготовил замену, чтобы к третьему удару забрать и людей, и доказательство. Возможно, Хард должен был задержать их спором. Возможно, аптекарь действовал в страхе сам. Но приказ пришёл слишком быстро.

Ирта медленно сняла связку ключей.

— Нижний ключ отмечен тремя насечками, — сказала она так громко, чтобы слышали все. — Он открывает ручной затвор у Медного спуска. Я передаю его лейтенанту Варну по приказу Радена Кара в час, когда над северным водоводом найдена течь из военного склада.

Она назвала имя, которого Илья не знал. Лейтенант дёрнул щекой.

— Отдай молча.

— Нет. Ключи не любят молчания.

Ирта протянула ему длинный железный ключ с тремя насечками. Варн схватил его. Теперь каждый солдат в проходе знал, у кого он находится и при каких обстоятельствах перешёл.

— Тевана взять, — приказал лейтенант.

Двое двинулись к Илье.

Деър не обнажил меча. Он просто поднял капитанскую пластину, которую ещё не успели отнять.

— Сначала выведем людей из стока. Если начнётся драка и кто-то упадёт в канал, загрязнение уйдёт прямо в казар-

менную бочку. Это мой последний приказ.

Его солдаты подчинились. Даже люди Варна попятились: никто не хотел первым свалиться в красную воду.

Они поднялись во двор без боя. У входа уже ждали писец, служитель чаши и Остр. При виде красных перевязей писец остановился, но Илья успел вложить ему в руки завернутый пузырёк.

— Найден у Харда. Не открывать. Запишите печати и всех, кто видел.

Варн вырвал свёрток.

— Военная собственность.

— Тогда вы только что при свидетелях приняли её у писца, — сказал Остр. — Я запомнил.

Он улыбался без веселья. У водоноса не было ни чина, ни оружия, зато весь Керн знал его лицо. Он носил воду в дома, казармы, мастерские и храм. Если Остр говорил, что видел передачу, слух мог обогнать любой официальный приказ.

С площади донёсся новый колокол — не счёт времени, а сбор войск. Солдаты во дворе начали затягивать ремни. У ворот ставили щиты.

— Что происходит? — спросил Дейр.

Варн спрятал пузырёк за пазуху.

— В нижнем городе беспорядки. Заражённые отказались от осмотра и захватили лечебный двор. Полководец приказал закрыть переходы до ночного очищения.

— Ложь, — сказал Илья.

— Ты давно там был?

Недостаточно давно. За эти часы могло случиться что угодно. Люди, которым объявили смерть, могли ударить солдат. Солдаты могли назвать захватом любой отказ разойтись. На печном дворе оставались девочка с обезвоживанием, Дара, Мираль, внучка со списком и десятки тех, кому требовалась вода.

Ирта смотрела на ворота. Без нижнего ключа она больше не управляла ручным затвором. Но у неё оставались два других ключа и знание ходов.

— До ночного колокола сколько? — спросил Илья.

Остр поднял лицо к солнцу.

— Шесть часов. Может, семь.

Сорок восемь часов, обещанные человеку перед казнью, сжались до одного вечера.

Варн велел связать Илье руки. Дейра разоружили. Ирту не тронули: видно, приказ требовал, чтобы она сама привела их к Радену или чтобы за ней проследили до остальных ключей.

Илья позволил стянуть запястья. Он уже один раз проснулся на каменном столе в цепях и думал, что худшее — не понимать, где оказался. Теперь знал: хуже понимать точно. Под северной площадью течёт склад. В казарме больны пьющие эту воду. Раден отнимает ключ и закрывает переходы. Внизу сотни людей, которых назовут заразными раньше, чем вода коснётся их дверей.

Но теперь правду знали не двое. Её видели Дейр, его сол-

даты, писец, служитель, Остр и даже люди Варна. Раден мог отнять пузырь, звание и ключ. Он не мог заставить всех развидеть красную воду.

Ирта подошла поправить верёвку на руках Ильи. Пальцы на миг коснулись ожога. Из-под рубахи едва слышно ото-звался осколок.

— В лечебный зал нас не доведут вместе, — прошептала она. — На второй лестнице есть старый перелив.

— Не рискуй людьми ради меня.

— Не льсти себе. Мне нужен нижний город.

Она затянула узел так, чтобы снаружи он выглядел крепким, но между верёвкой и кожей осталось место для большого пальца.

Варн приказал выступать.

Колонна прошла через казарменные ворота. Наверху были в сборный колокол. Внизу отвечал другой — быстрыми неровными ударами, которыми зрители предупреждали о внезапном подъёме воды.

Ирта остановилась на первой ступени.

— Это не беспорядки, — сказала она.

— Иди, — велел Варн.

— Восточный затвор уже наполняют.

До ночи оставалось шесть часов.

Раден начал раньше.

Глава 7. Дом с заколоченной дверью

Колокол водосброса бил не как храмовый. Между ударами оставляли ровно столько времени, чтобы зритель успел назвать про себя затвор: восточный, нижний, ручной. Потом три быстрых удара означали движение воды без разрешения квартала.

Ирта слушала, наклонив голову.

— Наполняют подводящий ход, — сказала она. — Сам затвор ещё закрыт. Когда вода дойдёт до решётки, Медный спуск услышит гул.

— Сколько у нас?

— Если створка цела — два часа. Если Варн велит поднять её сразу, меньше.

Лейтенант толкнул её в спину.

— Разговоры кончены.

Колонна двинулась вниз по казарменной лестнице. Илья держал связанные руки перед собой и большим пальцем раздвигал слабый узел. Ирта шла на три шага впереди. Дейра вели сзади, отдельно, между четырьмя солдатами. Остр и писец остались во дворе; служителя чаши Варн отправил к Радену другим путём.

На первой площадке стояла решётка перехода. За ней тес-

нились жители среднего яруса. Они требовали открыть дорогу к родным, спрашивали о воде и больных. Стража отвечала одним: нижний город закрыт до очищения. Слово уже стало официальным, хотя вода ещё не коснулась домов.

Ирта остановилась у стены, будто поправляя ремень с ключами. Варн снова подтолкнул её.

— На второй лестнице, — тихо сказала она. — Когда погаснет свет.

Илья посмотрел вверх. Свет шёл из узких окон. Погаснуть ему было неоткуда.

На второй лестнице древняя кладка сменилась тёмными плитами. Слева шумел скрытый канал. Ирта провела связкой по стене. Медный ключ ударился о камень, и одна плита отозвалась глухо.

— Здесь течёт, — сказала она громко.

— Иди дальше.

— Если перелив забит, вода ударит в основание казармы.

Варн выругался, но поднял фонарь к шву. Ирта вставила короткий крюк в щель и потянула. Плита откинулась внутрь. Из тёмного отверстия вырвался сырой воздух и задул пламя.

В темноте Илья выдернул большой палец из петли. Ирта схватила его за ворот и потянула в стену. Кто-то крикнул. Загремел металл. Илья ударился плечом о камень, пополз на шум воды и услышал за собой тяжёлое дыхание.

— Закрывай! — крикнула Ирта.

Он нашёл край плиты и навалился. Снаружи в щель су-

нули клинок. Ирта ударила по нему связкой. Клинок исчез, плита встала на место. В полной темноте Варн орал, чтобы ломали стену.

— Дейр? — спросил Илья.

— Не успел, — ответила Ирта. — Он знал, что не успеет.

Илья представил капитана без оружия между солдатами. Вернуться означало отдать им обоих и потерять оставшееся время. Он ненавидел эту арифметику, но Дейр сделал выбор сам.

Ирта зажгла маленькую масляную нить в ладони. Свет едва доставал до стен. Перелив был ниже человеческого роста. По желобу у ног бежала вода.

— Куда он выходит?

— К старой бане над Медным спуском. Если решётка не забита.

— А если забита?

— Тогда узнаем, умеешь ли ты возвращать утопленников.

Они пошли согнувшись. За стеной гремели удары. Варн пытался выбить плиту, но старая кладка держала. Через несколько поворотов звук остался позади.

Илья развязал верёвку окончательно. Запястья ныли. Ожог от каменного сердца пульсировал в такт далёкому колоколу.

— Нижний ключ у Варна, — сказал он.

— Ключ открывает замок, но не знает канала. До ручного затвора он доберётся по военной лестнице. Мы — через

баню.

— Можно закрыть подводящий ход без ключа?

— Можно разрушить подпорку и завалить его. Тогда весной затопит половину нижнего яруса. Есть ещё боковой сброс, но его заклинило после осады.

— Значит, сперва предупредим людей.

Ирта не ответила.

— Что?

— Дом Ларса рядом с баней.

Илья понял. По плану они должны были идти туда позже, после проб воды и карт цистерн. Теперь времени не было даже на прямой путь к лечебному двору. Но дом мог хранить записи Тевана, а главное — людей, которых снова собирались запереть по той же схеме.

— Зайдём, — сказал он.

— Из-за доказательства?

— Из-за тех, кто там сейчас.

Перелив закончился железной решёткой. Нижний край зарос известковым камнем. Ирта просунула руку, нащупала защёлку с другой стороны и не достала.

— Отойди.

Илья лёг в воду, прижал плечо к прутьям и просунул руку глубже. Пальцы скользили. Вода была ледяной, металлический запах здесь почти не чувствовался. Он зацепил рычаг ногтем и поднял. Решётка подалась на ширину ладони, застряла.

Ирта ударила ключом по наrostу. Камень крошился медленно. Снаружи уже слышали колокол, крики и стук закрываемых ставен.

Наконец решётка раскрылась. Они вывалились в пустую баню. На полу лежали перевёрнутые шайки, на стенах белели старые полосы уровня воды. Дверь на улицу была заперта снаружи, но окно над печью выходило в узкий двор.

Ирта выбралась первой. Илья подал ей связку, потом подтянулся сам. Тело Тевана оказалось сильнее его прежнего, но после цепей, голода и холодного прохода руки дрожали.

Медный спуск уже менялся. Люди таскали вещи наверх, привязывали сундуки к спинам, выводили коз. У лечебного двора Мираль стояла очередь за чистой водой. Солдат не было. У восточной стены гудело так, будто под городом проснулся огромный зверь.

Ирту заметили первой.

— Где ключ?

— Забрали.

— Кто?

— Лейтенант Варн по приказу Радена. Запомните имя.

Она не стала оправдываться. Взобралась на пустую бочку и перекрыла гул голосом.

— Подводящий ход наполняют. До открытия затвора может быть два часа, может меньше. Берите детей, тех, кто не ходит сам, воду и тёплую одежду. Идите по Каменной лестнице и улице гончаров. В старые залы не спускаться. Вещи,

которые нельзя нести одним подъёмом, оставляйте.

Кто-то закричал, что верхний переход закрыт.

— Тогда не толпитесь у него. Мираль, води к западным ступеням. Остр знает проход через угольный рынок. Если его нет, спросите водоносов.

— А больные?

Илья забрался на бочку рядом.

— Кто может идти — идёт не один. Сильная слабость, одышка, спутанность, непрерывная рвота — нужны носилки. Красные ладони сами по себе не причина оставаться. Пить только дождевую или западную воду. Северную не кипятить для питья: от примеси кипячение не спасёт.

Внучка Мираль подняла дощечку со списком.

— Я отмечу носилки.

— И тех, у кого нет помощника. Имена не терять.

Мираль подошла к Илье. На её переднике были мука и кровь — видимо, перевязывала кому-то разбитую руку.

— Девочка Дары пьёт, рвоты больше не было. Жар не поднялся. Но пришли люди из дома у старой стены. Их дверь забили снаружи.

— Какой дом?

Ирта уже знала ответ.

— Ларса.

Дом стоял в конце узкого двора. Год назад здесь умерли девятнадцать человек, а теперь военные снова согнали внутрь две семьи, потому что у одного мальчика покраснели

руки. Дверь пересекали три свежие доски. На старом дереве вокруг них виднелись серые шрамы от прежних гвоздей.

Изнутри стучали.

— Отойдите от двери! — крикнула Ирта.

Она поддела первую доску крюком. Илья нашёл камень и выбил нижний гвоздь. Доска отскочила. Из щели потянуло потом, дымом и рвотой.

— Не все сразу, — сказал Илья. — Сначала те, кому трудно дышать.

— Нам велели ждать лекаря! — ответила женщина изнутри.

— Лекарь пришёл. Открываем.

Когда сняли вторую доску, дверь распахнулась сама. На пороге стояла седая женщина с кочергой. За ней теснились девять человек. Мальчик лет двенадцати сидел у стены, обхватив живот. Его мать держала кружку с мутной водой.

Илья выбил кружку прежде, чем успел объяснить.

— Простите. Это северная?

— Из уличной бочки.

— Больше не давайте. Есть дождевая?

— Закончилась.

Ирта отправила соседскую девочку на лечебный двор. Илья осмотрел мальчика. Тот был в сознании, отвечал связно, дышал ровно. Краснота на руках, тошнота, слабость — похоже на остальных. Нужны вода и выход из запертого дома, а не героическая процедура.

— Когда забили дверь?

— После полудня, — сказала седая женщина. — Они нашли метку прошлого года и решили, что дом заражён навсегда.

На косяке сохранился чёрный круг. Под ним кто-то выцарапал девятнадцать коротких линий.

Ирта провела пальцем по одной.

— Ларс был здесь, — сказала женщина. — В задней комнате.

— Я знаю.

— Нет. Ты думаешь, что знаешь. После того как вы ушли за помощью, Теван вернулся.

Ирта резко повернулась.

— Когда?

— Ночью. Один. Стучал снаружи, звал Ларса. Солдаты не открыли.

— Ты никогда не говорила.

— А кто спрашивал? На суде хотели знать, кто велел закрыть. Он велел. Потом пришёл поздно. Одно другого не отменяет.

Илья почувствовал, как чужая вина внутри его тела обрела новый край. Теван не просто написал отмену. Он стоял у этой двери и не сумел заставить солдат открыть. Это не спасало его. Но означало, что в доме могли остаться следы его второй попытки.

— Где задняя комната?

Седая женщина указала в глубину.

— Сначала выведите людей, — сказал Илья.

Мальчика понесли на двери, снятой с кладовой. Остальные вышли сами. Седая женщина отказалась уходить, пока не найдёт мешок с одеждой. Ирта взяла её за плечи.

— Вода придёт сюда раньше, чем ты соберёшь чужие рубахи.

— Они не чужие. Хозяева умерли.

— Поэтому им уже не холодно. А тебе будет.

Женщина посмотрела на выцарапанные линии, оставила мешок и вышла.

В задней комнате пахло плесенью. Окно было забрано решёткой. На стене темнели следы ладоней. Илья не стал гадать, были ли они красными год назад. Под лежанкой нашли глиняные кружки, треснувший таз и свёрнутый войлок.

Ирта стояла у двери.

— Ларс лежал здесь.

— Ты заходила после?

— Когда вынесли тела. Я искала его браслет. Не нашла.

Илья присел у стены. Между камнями белела полоска бумаги. Он подцепил её ногтем. Лист был сложен вчетверо и пропитан старой влагой. На внешней стороне виднелась печать лечебного двора.

Ирта не двинулась.

— Читай.

Почерк Тевана Илья уже видел в тюремной записи. Здесь

буквы были крупнее, будто человек писал на колене и торопился.

«Отменяю запираание дома у Медного спуска. Красный ответ чаши получен на воде до осмотра людей и не доказывает переход болезни дыханием. Открыть дверь, вынести лежачих на двор, дать дождевую воду. Ответственность моя».

Ниже стояли час и подпись. И ещё строка другим почерком: «Приказ не принят без печати военного двора».

— Когда? — спросила Ирта.

Илья назвал час.

Она закрыла глаза.

— Ларс ещё стучал после этого.

Бумага не оправдывала Тевана. Она показывала точный промежуток, когда ошибку уже признали, но дверь всё ещё держали закрытой. Военный двор отказался принять отмену. Значит, в смерти Ларса участвовал не один испуганный лекарь.

— Почему лист здесь? — спросил Илья.

— Он мог просунуть под дверь. Кто-то поднял и спрятал.

— Или солдат бросил после отказа.

Ирта взяла лист за край.

— Я хотела, чтобы он не пытался.

— Почему?

— Потому что тогда всё было просто. Теван закрыл. Ларс умер. Я ненавижу Тевана. А теперь он вернулся, просил открыть, и всё равно не открыл.

— Это не делает его невиновным.

— Знаю.

— И тебя тоже.

Она ударила его ладонью по лицу. Несильно, но звонко.

— Не смей утешать меня его виной.

Илья не отступил.

— Не утешаю. Ты помогала удерживать соседей, потому что поверила лекарю. Я знаю, что ты это помнишь.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда скажи.

Снаружи снова загудела вода. Пыль посыпалась с потолка.

Ирта смотрела на стену со следами ладоней.

— Ларс кричал мне, чтобы я сломала окно. Я ответила, что Теван сказал ждать. Потом стук стал тише. Когда я решилась, солдаты уже оттеснили нас во двор. Вот что я помню. Не надо делать из меня ещё одну обманутую жертву. Я выбрала послушаться.

— Да.

Она подняла глаза, ожидая оправдания. Илья не дал его.

— Мы оба будем жить с тем, что сделали люди до этой минуты, — сказал он. — А сейчас дверь открыта. Это не возвращает Ларса. Но девять человек вышли.

Ирта сложила приказ и спрятала отдельно от осколка.

— Этот лист увидит весь город.

Во дворе закричали. Илья выбежал первым. По мостовой текла тонкая струя воды. Она появилась из решётки восточ-

ного канала и быстро ширилась.

— Затвор ещё не открыт, — сказала Ирта. — Это перелив перед створкой. Давление растёт.

К лечебному двору бежал Остр. Он задыхался, но нёс на плече два пустых коромысла.

— Верхний переход закрыли щитами. Западные ступени пока свободны. Дейра ведут на площадь. Он кричал про склад, пока ему не разбили рот.

— Писец?

— Успел сделать копию отметок. Спрятал у храмовой прачки. Варн ищет.

Ирта показала приказ Тевана.

— Нужна ещё одна копия.

Остр пробежал глазами строки.

— Внучка Мираль перепишет. Имена свидетелей?

— Седая Рена видела возвращение Тевана. Найди её в колонне.

Остр кивнул и побежал.

Илья посмотрел на воду у своих сапог. Она была пока по подошву, чистая на вид. Дети пытались перепрыгивать струю, взрослые ругались из-за тюков. Паника ещё не началась, но улица уже сужалась вещами.

— Нельзя ждать, пока все соберутся, — сказал он. — Отправляем группами. Сначала носилки и дети, потом остальные по домам. На каждом повороте человек, который направляет дальше.

— Я должна к затвору.

— Без ключа?

— У Варна ключ. Но старый боковой сброс можно раскатать вручную. Если откроем его хотя бы на ладонь, выиграем время.

— Сколько людей нужно?

— Шесть сильных и двое, которые знают лебёдку.

— Возьми восемь. И верёвки. Если кого-то прижмёт, не геройствуйте.

Ирта почти улыбнулась.

— Ты решил командовать водой?

— Нет. Командую тем, чтобы у тебя были руки и чтобы они вернулись живыми.

— Тогда командуй своими больными, лекарь.

Она позвала зрителей и ушла к восточной стене.

Илья вернулся на лечебный двор. Девочка Дары сидела, завернувшись в одеяло, и сама держала кружку. Это было маленькой победой, почти неприличной среди общего бегства. Он проверил её дыхание и пульс, велел продолжать пить. Мираль уже делила список на три части: идущие сами, нуждающиеся в помощнике и лежащие.

— Не «безнадёжные», — сказала она, показав старую отметку, которую зачеркнула. — Таких у нас нет.

— Правильно. Есть те, кому нужно больше людей.

Они распределили носилки. Одного старика с тяжёлой одышкой нельзя было класть ровно; его усадили в кресло и

привязали тканью. Женщине после родов дали место на тележке. Кавена и Лота не было — они остались наверху, у военных врачей. Илья надеялся, что Дейров приказ всё ещё защищал их лучше, чем чёрная метка.

Рена, седая женщина из дома Ларса, согласилась повторить свидетельство. Внучка Мираль переписала приказ дважды. Один лист спрятали в мешок с мукой, другой отдали Остру. Подлинник остался у Ирты, если она не потеряет его у затвора.

Со стороны восточной стены донёсся скрежет. Вода на улице перестала прибывать, затем медленно поползла назад к решётке.

Толпа зашумела с облегчением.

— Не останавливаться! — крикнул Илья. — Это не отмена. Это время.

Через несколько минут вернулась Ирта. Рукав у неё был разорван, на лбу кровь.

— Боковой сброс открыли на две ладони. Больше не идёт. Держаться будет, пока военные не поднимут восточную створку ещё на зубец.

— Люди целы?

— Одному прижало пальцы. Двигает ими. Потом посмотришь.

Она оглядела двор. Первая колонна уже уходила к западным ступеням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.